

№ 2

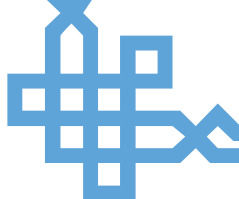
2018

ISSN 2587-6503



БЮЛЛЕТЕНЬ

Калмыцкого научного центра РАН



Калмыцкий научный центр Российской академии наук

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

Элиста, 2018

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

ISSN 2587-6503

DOI 10.22162/2587-6503-2018-6-2

Выпуск 2

Главный редактор: канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Составитель: канд. ист. наук *Л. В. Намруева*

Редколлегия:

Бадмаева Е. Н., д-р ист. наук;

Бакаева Э. П., д-р ист. наук;

Басангова Т. Г., д-р филол. наук;

Бембеев Е. В., канд. филол. наук;

Бичеев Б. А., д-р филос. наук;

Лиджиева И. В., канд. ист. наук;

Манджиева Б. Б., канд. филол. наук;

Музраева Д. Н., канд. филол. наук;

Намруева Л. В., канд. соц. наук;

Нусхаева Б. Б., канд. соц. наук;

Очиров У. Б., д-р ист. наук;

Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук

Адрес редакции и издателя: 358000, Российская Федерация, Республика

Калмыкия, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Тел. +7(84722) 3-55-06, 3-55-37. Факс: +7(84722) 3-55-06

E-mail: kigiran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|---|----|
| <i>Намруева Л. В.</i> | |
| Современные реалии фермерства Калмыкии | 5 |
| <i>Нусхаева Б. Б.</i> | |
| Экономическое положение и репродуктивные установки населения южно-российских регионов | 15 |
| <i>Бадмаева Н. В.</i> | |
| Проблемы безработицы и миграционные настроения сельского населения Калмыкии (по результатам социологического исследования) | 23 |
| <i>Суций С. Я.</i> | |
| Динамика демографического потенциала Астраханской области — перспективы первой половины XXI в. | 29 |
| <i>Домрачева Т. В.</i> | |
| Демографическая ситуация в Республике Марий Эл | 38 |
| <i>Зыкова Н. Н.</i> | |
| Инновационные социальные практики в системе социального обслуживания населения | 44 |
| <i>Деев С. Ю., Немгирова С. Н.</i> | |
| Формирование национальной идентичности: региональные особенности | 50 |
| <i>Мендяева А. Б.</i> | |
| Краткий обзор социологических исследований идентификационных процессов в Республике Калмыкия | 58 |
| <i>Намруева Л. В., Денисова Г. С.</i> | |
| Проблемы этнокультурного образования: анализ результатов анкетных опросов, проведенных в Республике Калмыкия в апреле–мае 2017 г. | 62 |
| <i>Карцева Л. В.</i> | |
| Позиция родителей учащихся средних школ по вопросу выбора подростками будущей профессии (на материалах опроса школьников г. Казани) | 80 |
| <i>Афанасов С. В.</i> | |
| Подготовка туристско-краеведческих походов с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации | 90 |
| <i>Борисов И. В.</i> | |
| Дистанционное обучение в образовательном пространстве вуза: региональный аспект | 98 |

Л. В. Намруева
(канд. социол. наук, зав. отделом,
КалмНЦ РАН)

Современные реалии фермерства Калмыкии*
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-5-14

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — госзадание № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017-2021).

Калмыцкая пословица гласит: «Если ухаживаешь за скотом, то рот будет в масле». У калмыков-кочевников считалось, что выращивание домашних животных приносит достаток, благополучие семье. Современная Калмыкия является крупным аграрным регионом страны, специализирующимся на животноводстве. В настоящее время республика признана опорным регионом РФ по развитию мясного скотоводства, где приоритетным направлением является разведение калмыцкой породы крупного рогатого скота — «единственной отечественной и самой распространенной в России мясной породы» [Арилов и др. 2009: 727].

Калмыцкая порода скота — одна из старейших отечественных пород мясного направления, которая формировалась в условиях сурового, резко континентального климата, преимущественно кочевого пастбищного содержания под воздействием искусственного и естественного отбора. Издревле калмыцкую породу ценили за неприхотливость к кормам, хорошее качество мяса, а также приспособленность к круглогодичному содержанию вне помещений. Эта порода дает высококачественное экологически чистое мясо. Уникальные биологические особенности этого вида животных предоставляют неоспоримые экономические преимущества, которые важны в рамках реализации государственной программы по импортозамещению. На протяжении многих столетий калмыцкий скот, выдержавший многие испытания, совершенствовался и сегодня по праву является гордостью Калмыкии и национальным достоянием России [Амтеев 2015: 1].

Вопросам жизнедеятельности российского села, новых форм хозяйствования посвящено множество работ отечественных исследователей, среди которых — Е. В. Бочарова, П. П. Великий, З. И. Калугина,

Т. Г. Нефедова, В. И. Староверов, Ж. Т. Тощенко, А. А. Хагуров, О. П. Фадеева и др. Однако имеются недостаточно исследованные темы, к ним мы можем отнести мотивации населения к активному участию в преобразованиях сельского социума, в том числе изменения экономического поведения селян, характер реализации их жизненных потребностей в условиях рынка. В связи с тем, что интерес к изучению сельских территорий с каждым годом возрастает, так как село, определяя многие стороны жизнедеятельности общества, выполняет основные задачи в решении продовольственной безопасности страны, необходимо исследовать и анализировать разнообразные стороны жизнедеятельности сельского населения.

В ходе аграрной реформы, которую начали осуществлять в стране на заре 1990-х гг., была разрушена колхозно-совхозная система. Реформаторы надеялись, что формирующийся слой земельных собственников — фермеров — позволит безболезненно заменить коллективные хозяйства как изжившее себя наследие советского периода. Считалось, что фермеры как истинные собственники земли смогут эффективно ею распорядиться и накормят население страны. В 1992–1993 гг. начался раздел колхозной и совхозной собственности. Исследователи отмечают, что в результате приватизации земли реальной выдачи ее не произошло, происходила либо продажа выданных паев, либо сдача их в аренду создаваемым акционерным организациям и немногочисленным фермерам, вследствие чего появился класс «бумажных» собственников-хозяев [Тощенко, Великий 2018: 11]. Другие исследователи считают, что «за 60 лет абсолютного господства колхозно-совхозного производства сменилось 2–3 поколения работников. „Универсальный“ крестьянин, осуществляющий своими руками весь производственный процесс и несущий ответственность за конечный результат хозяйственной деятельности в целом, успел превратиться в „частичного рабочего“ крупного производства, который выполняет те или иные виды работ» [Данилов 2011: 668]. Поэтому быстрого превращения колхозника в фермера, самостоятельно осуществляющего весь производственный цикл, не произошло. В данной статье на материале статистических сведений и результатов авторских социологических исследований рассматривается, каково развитие фермерства Калмыкии в 2000–2010-е гг.

Эксперты отмечают, что фермерское движение в Калмыкии успешно развивалось в начале 1990-х гг. Традиционно культивируемое жи-

вотноводство приносило неплохие результаты [Зиятдинова, Кучаева 2008: 107]. Представители сельскохозяйственной интеллигенции воспользовались льготами по налогам и кредитам для приобретения по доступным ценам земли. Отмена льгот отрицательно сказалась на фермерстве республики, но оно продолжило развиваться. М. Н. Муханова, анализируя эти процессы, отмечает рост фермерских хозяйств (с 1 685 — в 2002 г. до 2 027 — в 2006 г.), хотя стабильно и прибыльно работают не более 300 хозяйств. Из них 270 получили льготные кредиты на 500 млн руб., что позволило поднять долю фермерских хозяйств в валовой сельскохозяйственной продукции республики с 6 % в 2000 г. до 20 % в 2005 г. В 2007 г. на долю фермерских хозяйств приходилось 11 % всех сельскохозяйственных угодий и 13 % пашни Калмыкии [Муханова 2007: 76].

Эксперты отмечают, что в стране на начало 2005 г. самые крупные по площади земельных угодий фермерские хозяйства, в несколько раз превышающие средние региональные уровни, имелись в Республике Калмыкия (477 га), Астраханской области (285 га), Алтайском крае (249 га), Агинском Бурятском автономном округе (239 га), самые мелкие — в Республике Дагестан (4 га), Республике Марий Эл (8 га), Чувашской Республике, Московской и Ленинградской областях (по 9 га), Кабардино-Балкарской Республике (10 га), что свидетельствует о большом разнообразии форм К(Ф)Х по размерам земельных угодий [Козлов 2006: 18].

За межпереписной период в Калмыкии увеличилось количество крестьянских (фермерских) хозяйств на 636 (табл. 1) [Основные итоги 2008; Предварительные итоги 2017]. В республике фермерский уклад широко распространился, так как многие крупные хозяйства, прекратив существование, не могли поддерживать личные подворья селян. В этот период именно фермерство стало эффективной формой хозяйствования.

Таблица 1. Динамика численности крестьянских (фермерских) хозяйств, включая индивидуальных предпринимателей, в Республике Калмыкия

| Годы | 2006 | 2016 |
|------|-------|-------|
| КФХ | 2 247 | 2 883 |

Используя сведения Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 и 2016 гг., рассмотрим и другие показатели деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств (табл. 2)

Таблица 2. Динамика поголовья в крестьянских (фермерских) хозяйствах, включая индивидуальных предпринимателей, в Республике Калмыкия (в тыс. голов)

| Годы | 2006 | 2016 |
|----------------------|-------|---------|
| КФХ | 2 247 | 2 883 |
| ИП | 13 | 81 |
| Крупный рогатый скот | 68,5 | 261,6 |
| Коровы | 29,9 | 167,4 |
| Мясной КРС | 56,2 | 258,3 |
| Свиньи | 3,5 | 3,2 |
| Овцы | 552,4 | 1 147,5 |

Из данных, приведенных в таблице 2, видно, как почти по всем показателям наблюдается увеличение численности крупного рогатого скота в 3,8 раза, коров — в 5,6 раза. Тенденция увеличения наблюдается по мясному скотоводству в 4,6 раза и двукратное — по овцеводству. Свиноводство не является приоритетной отраслью в регионе, поэтому фермеры содержат небольшое количество свиней. Позитивные сдвиги произошли благодаря реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. и экономически значимых региональных программ в сфере АПК.

Из нижеприведенной таблицы 3 видим, какого заметного скачка в производстве продукции добились крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели республики. Если в 1995 г. они производили всего 4,0 % от общего объема продукции, то в 2005 г. он возрос до 17,3 %, а в 2013 г. увеличился до 31,1 % (см. табл. 2). В последующие годы произошел спад численности поголовья, прежде всего из-за ухудшения эпизоотической ситуации.

Таблица 3. Доля продукции сельского хозяйства по категории КФХ и ИП хозяйств Республики Калмыкия (в % от общего объема продукции)

| Категория хозяйств | Годы | | | | | | |
|---------------------------|------|------|------|------|------|------|------|
| | 1995 | 2000 | 2005 | 2010 | 2013 | 2014 | 2015 |
| КФХ, инд. предприниматели | 4,0 | 7,9 | 17,3 | 26,5 | 31,1 | 27,9 | 29,0 |

Источник: [Калмыкия в цифрах... 2016: 70].

Однако подчеркнем, что фермерский сектор не стал доминирующим хозяйственным укладом в Калмыкии, хотя в производстве доля фермерской продукции заметна. В животноводстве преобладает продукция, выращенная в хозяйствах населения, в 2,5 раза по сравнению с КФХ [Намруева 2017: 68]. Полностью разделяем мнение Ж. Т. Тощенко о том, что «эффект от реальных преобразований сельского хозяйства, принимая в расчет возможности его развития, оказался незначительным — тон во многом продолжают задавать, как и в советское время, личные подсобные хозяйства и частично сельхозпредприятия, от которых коренного перелома в достижении производительности и эффективности при существующей аграрной политике добиться трудно» [Тощенко 2017: 92].

В фермерском движении Калмыкии происходят те же процессы, которые протекают в фермерской среде страны в целом. Отечественные исследователи отмечают, что главными причинами неустойчивости крестьянских хозяйств в России являются: чрезвычайно высокие налоги, высокие цены на сельскохозяйственную технику, горючее и прочие ресурсы, незащищенность прав собственника, слабая поддержка со стороны государства, предоставление фермерам наделов низкого качества, удаленных от мест основной застройки, отсутствие коммуникаций и дорог [Калугина 2015: 18].

Наши исследовательские задачи направлены на изучение потенциала фермерства, причин, влияющих на этот процесс, возможностей селян вести фермерские хозяйства, противостоять барьерам их развития. Именно исследованию этих вопросов посвящена данная статья, в которой рассматриваются результаты социологического исследования, проведенного автором в сельских районах Республики Калмыкия летом 2017 г. (N=385). В анкетировании участвовали жители сельских муниципальных образований (54,6 % от выборки) и районных центров (45,4 %). Распределение по гендерному и этническому признакам выглядит следующим образом: мужчины составляют 51,6 %, женщины — 48,4 %; калмыки представляют большинство выборочной совокупности — 77,2 %, русские — 15 %, представители других этнических групп — 7,8 %.

На закрытый вопрос «Есть ли у Вас желание организовать КФХ?» утвердительно ответили почти каждый третий мужчина (37,4 %) и каждая шестая женщина (17,6 %). Как видим, женщины в два раза реже желают вести фермерское хозяйство. Снижение мотивации у се-

лян трудиться на животноводческих стоянках повлияло на появление вахтовой занятости — когда животноводы, отработав определенное время, к примеру, две недели, возвращаются в свою семью, которая живет в селе или райцентре, а их сменяет другая группа вахтовиков. Если в прежние годы чабаны, гуртоправы постоянно находились на точке (стоянке) с женами, детьми, то с кардинальным изменением сельского уклада в большинстве своем трансформировалась и трудовая деятельность животноводов. *«Многие молодые семьи живут на стоянке до определенного времени, пока ребенку не исполнится 6–7 лет и ему надо идти в школу. Когда дети учатся, естественно, глава семьи отправляет жену с детьми в село, они живут там, супруга работает, дети приезжают на стоянку разве что на летние каникулы, но чаще совсем не приезжают. Так мы отучили детей от исконного занятия степняков, —* печально говорит руководитель одного из самых крупных районов Калмыкии, который специализируется на животноводстве [Амтеев 2017: 2].

Вахтовым методом на точке преимущественно заняты мужчины. В республике появился новый термин «точкари», под которым подразумевают мужчин активного трудоспособного возраста, неженатых, не испытывающих особого желания изменить свой социальный статус (получить образование, профессию, жениться и т. д.). Молодые женщины не хотят работать на стоянке вдали от цивилизации, их жизненные ориентиры не совпадают со стремлением мужчин заниматься исконным ремеслом калмыков. Эти процессы, к сожалению, приводят к гендерному дисбалансу, когда мужчины-холостяки работоспособного возраста превалируют на селе, а женщин становится все меньше. Мужчины не хотят покидать родные места, так как понимают, что животноводческий труд, хоть и сложен, но весьма прибылен [Намруева 2016].

В республике имеются объективные факторы, которые снижают мотивацию к ведению собственного крестьянского хозяйства: недоступность банковских кредитов, убыточность сельскохозяйственных предприятий, низкие закупочные цены на аграрную продукцию (шерсть, мясо, молоко, зерно); имеются также и субъективные факторы — непривлекательность сельскохозяйственного труда (часто малоквалифицированного, физически тяжелого), низкий уровень заработной платы, миграционный настрой — факторы, которые снижают мотивацию к ведению собственного крестьянского хозяйства. Несмотря на выше-

перечисленное, на селе есть те, кто испытывает желание создать такое хозяйство. Среди основных причин этого названы: стремление обеспечить достойный уровень жизни работникам, ухудшающиеся условия в селах из-за отсутствия финансовой поддержки, готовность оставить наследство детям рентабельное хозяйство (табл. 4).

Таблица 4. Причины, влияющие на желание вести свое фермерское хозяйство (в %)

| № | Варианты ответов | мужской | женский |
|----|---|---------|---------|
| 1. | Сельхозпредприятия не могут обеспечить высокие заработки работникам | 42,1 | 35,3 |
| 2. | Условия жизни в селах ухудшаются из-за отсутствия финансирования | 51,3 | 64,7 |
| 3. | Не хочу, чтобы мной командовали не компетентные в сельском хозяйстве руководители | 7,0 | 9,0 |
| 4. | У меня есть знания, силы и способности сделать свое хозяйство доходным | 17,6 | 11,7 |
| 5. | Я могу оставить своим детям в наследство рентабельное хозяйство | 28,4 | 41,2 |

Одно из отрицательных явлений современного села видится нам в том, что у сельских жителей постепенно исчезает желание заниматься сельскохозяйственным трудом: доить корову, стричь овец, убирать животноводческие помещения, заготавливать корма и т. д. К сожалению, на селе остается множество видов работ, требующих применения ручного труда, который не привлекает селян. Проводимые нами исследования свидетельствуют, что население не испытывает желания заниматься хозяйством, так как затраты на его ведение не окупаются. Легче и дешевле купить молоко, мясо в магазине, чем содержать корову, готовить молочные продукты, стричь овец, заготавливать корма и т. д. [Намуева 2014: 112].

Недостаток ресурсов, в первую очередь финансовых, материальных, или их отсутствие, безусловно, не позволяют взяться за собственное дело на земле. На этот фактор указали 12 % опрошенных. Большим препятствием к организации КФХ является боязнь потерять то, что есть в личном подворье, т. е. организация фермерского хозяйства сопряжена с риском, на который не каждый готов идти (табл. 5).

Таблица 5. *Распределение ответов на вопрос
«Если нет желания, то почему?»* (% по группе)

| № | Варианты ответов | мужской | женский |
|----|--|---------|---------|
| 1. | У меня нет желания вести частное КФХ | 57,0 | 40,3 |
| 2. | У меня нет средств (денег, скота, техники) для начального этапа, и их негде взять | 41,9 | 37,2 |
| 3. | Не хочу рисковать тем, что уже имею в своем личном подсобном хозяйстве | 12,9 | 13,2 |
| 4. | Администрация района (хозяйства) не спешит навстречу желаниям работников взять землю для ведения КФХ | 6,5 | 5,4 |
| 5. | У меня нет экономических знаний, коммуникативных способностей для успешных взаимоотношений с учреждениями (банками, налоговой службой и т. д.) | 9,7 | 6,2 |
| 6. | У меня нет уверенности в том, что смогу вписаться в рынок, КФХ сможет приносить доход | 8,6 | 7,8 |
| 7. | Количество давших отрицательный ответ (человек) | 93 | 129 |

Как было отмечено выше, небольшие крестьянские (фермерские) хозяйства используют в основном ручной труд, примитивные отсталые технологии. С конца апреля и весь май животноводы, имеющие частный скот в немалом количестве, вынуждены нанимать стригалей, использующих ручные ножницы. Иметь стригальный пункт, как это было в советский период, могут лишь крупные хозяйства, так как для этого требуются энергозатратное оборудование и квалифицированные специалисты-электрики. Фермерам значительно дешевле использовать ручной труд, который обходится в 70–85 руб. за стрижку одной овцы (цена 2014 г.). Мужчины, не имеющие постоянной работы на селе, объединившись в бригады, охотно участвуют в этой сельскохозяйственной кампании, зарабатывая тяжелым физическим трудом [Намруева 2016].

Фермеры республики, имеющие крупные рентабельные хозяйства, реально усвоили принципы рыночного общества. Они достойно занимают нишу малого и среднего предпринимательства, внося ощутимый вклад в экономику республики и страны в целом. Как правило, эти фермеры — люди активной гражданской позиции, которые широко представлены в органах законодательной власти разных уровней.

Владельцы крупных и средних хозяйств — главные работодатели в сельской местности. Если на заре формирования КФХ, в начале 1990-х гг., к ним никто не нанимался на работу по разным причинам (прежде всего людей не устраивал статус так называемого «нового батрака»), то по прошествии нескольких лет отношение у сельчан к работе в КФХ изменилось, так как фермеры предоставляют работу, оплачивают труд, в том числе и натуральной оплатой (зерно, поголовье скота). А других способов получения средств к существованию на селе практически нет. В случае сдачи земельной доли в аренду фермеру сельчане получают дивиденды, как правило, корма (1–2 т зерна в год, сено, солому).

Фермеры играют заметную роль в решении жизненно важных проблем на селе. Они стали выполнять социальные функции, связанные с ремонтом образовательных учреждений (школ, детских садов, спортивных, музыкальных школ), с проведением культурных мероприятий (праздников, чествований ветеранов и др.), с участием школьников в спортивных состязаниях, конкурсах в г. Элисте и за пределами республики. Если прежде с просьбами о помощи обращались к дирекции совхоза, то в настоящее время, когда в половине населенных пунктах нет селообразующих предприятий, — к фермерам.

Таким образом, несмотря на определенные сложности, которые рассмотрены в статье, в республике с начала 1990-х гг. сформирован и последовательно развивается уклад крестьянских (фермерских) хозяйств, которые участвуют в стабилизации и развитии сельскохозяйственной отрасли, предпринимательства в Калмыкии, следовательно, — в реализации продовольственной безопасности страны.

Литература

Амтеев Б. Фермеры соберутся на съезд // Хальмг үнн. 2015. 27 октября. С. 1.

Амтеев Б. Здесь продолжают дело отцов и дедов // Хальмг үнн. 2017. 18 апреля. С. 1–2.

Аршлов А. Н., Баринов В. Э., Тюрбеев Ц. Б., Болаев Б. К. Состояние и перспективы развития мясного скотоводства в Республике Калмыкия // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия. Мат-лы регион. науч.-практ. конф. (г. Элиста, май 2009 г.). Элиста: НПП «Джангар», 2009. С. 727–729.

Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х частях. Ч. 2. М.: РОССПЭН. 2011. 863 с.

Зиятдинова Ф. Г., Кучаева Е. И. Российское село в рыночных условиях. М.: Юнити-Дана; Закон и право. 2008. 199 с.

Калмыкия в цифрах: Краткий статистический сборник. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Калмыкия. Элиста, 2016. 153 с.

Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН. 2015. 342 с.

Муханова М. Н. Село Калмыкии на перепутье // Социологические исследования. 2007. № 7. С. 73–79.

Намруева Л. В. Влияние производственной ниши на изменение этничности // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 2. С. 109–114.

Намруева Л. В. Сельская жизнь в Калмыкии: совмещение традиций и инноваций // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года) [электронный ресурс] Мат-лы V Всерос. социол. конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. Электрон. дан. (DVD ROM). М.: Российское общество социологов, 2016. С. 4040–4049.

Намруева Л. В. Сельские территории Республики Калмыкия: динамика изменений // Современное село Калмыкии: социологический срез. Монография. Элиста: КалмНЦ РАН. 2017. С. 65–77.

Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года. Т. 1. Кн. 2: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года по субъектам Российской Федерации. Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2008. 687 с.: диагр., карты.

Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года. В 2-х т. / Федеральная служба гос. статистики. Т. 2: Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по субъектам Российской Федерации. М.: ИИЦ «Статистика России», 2017. 1110 с.

Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Аграрные проблемы современной России // Мир России. 2018. № 1. С. 7–33.

Тощенко Ж. Т. Что представляет собой современное российское село? // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 89–98.

Б. Б. Нухаева
(канд. социол. наук, старший научный сотрудник
КалмНЦ РАН)

**Экономическое положение и репродуктивные установки
населения южнороссийских регионов***
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-15-22

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — госзадание № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017-2021).

Экономическое положение населения дифференцируется в зависимости от региона, социально-экономического статуса и места проживания. Специалисты подчеркивают, что «уровень жизни в малых городах и сельской местности существенно ниже, чем в крупных городах, там объективно меньше возможностей выхода из состояния бедности и снижения риска бедности семей с несовершеннолетними детьми» [Варызгина 2017: 108]. Анализ региональной дифференциации по показателям среднедушевых денежных доходов, произведенный д-ром экон. наук О. Ф. Чистик, позволил выделить четыре кластера, объединяющие субъекты Российской Федерации. Согласно данной кластеризации, Республика Калмыкия отнесена к четвертому кластеру «Низкий уровень доходов населения», а Астраханская и Волгоградская области отнесены к первому кластеру «Средний уровень денежных доходов населения» [Чистик 2014: 262].

Анализ среднедушевых доходов населения за 2016 г., проведенный Институтом социального анализа и прогнозирования, позволяет делать вывод «об ухудшении материального положения населения и продолжающемся росте рисков бедности» [2016: Социально-экономическое... 2017: 11]. Особенно в сложном экономическом положении находятся семьи с детьми. Как отмечает В. В. Елизаров: «среди основных проблем в сфере детства выделены высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях, а также неравенство между субъектами Российской Федерации в отношении объема и качества доступных услуг для детей и их семей» [Елизаров 2014: 69].

Для изучения демографического потенциала регионов Юга России было организовано социологическое исследование с целью определения репродуктивных установок населения Астраханской, Волгоградской областей и Республики Калмыкия. Опрос осуществлен на базе отделов ЗАГС трех регионов. Всего опрошено 580 чел., в том числе 262 мужчины и 318 женщин. 147 респондентов проживают в Астраханской области, 171 — в Волгоградской области, 262 респондентов — жители Республики Калмыкия. Распределение по возрастным группам следующее: 229 респондентов в возрасте до 25 лет, 276 респондентов в возрасте до 35 лет и 66 человек старше 36 лет. 281 опрошенных проживают в городских поселениях, а 284 — в сельских населенных пунктах.

Согласно оценке экономического положения, чуть более 10 % респондентов находятся в бедственном положении: «денег до зарплаты не хватает» этой категории граждан (10,5 %). Пятая часть опрошенных указывает, что живет от зарплаты до зарплаты (19,8 %). В сложном экономическом положении, когда «на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения», находятся 14,8 % опрошенных. Около трети респондентов оценивают свое экономическое положение согласно критерию «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» (32,6 %). Высокую оценку своему экономическому положению — «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать» — дали 6,2 % респондентов. И для 12,6 % опрошенных покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п.

Сравнение экономического положения по оценкам городских и сельских респондентов позволяет подчеркнуть, что около 30 % горожан и селян оценили свое экономическое положение как «денег до зарплаты не хватает» и «живем от зарплаты до зарплаты» (30,8 % и 31,9 %). К среднему уровню экономического положения («на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения» и «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг») отнесли себя 43,5 % городских жителей и 55,3 % жителей сельских населенных пунктов. Высокую оценку экономическому положению («покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п.» и «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать») дают чаще респонденты,

проживающие в городских поселениях, чем в сельских (25,7 % напротив 12,8 %).

Одной из главных причин низкой рождаемости часто называется экономический фактор. Такое суждение является довольно распространенным. Чаще всего и население склонно считать, что главной причиной низкой рождаемости и распространения малодетности является низкое экономическое положение семей с детьми и экономическое неблагополучие населения в целом.

Проанализируем распределение ответов по репродуктивным планам в зависимости от экономического положения респондентов. Для сравнения данных используем значения средних. Результаты исследования свидетельствуют, что самые высокие репродуктивные намерения у респондентов с высоким экономическим положением (табл. 1). Среднее ожидаемое число детей у респондентов, которые оценили свое экономическое положение по критерию «можем ни чем себе не отказывать», равно 2,74. Самый низкий показатель среднего ожидаемого числа детей выявлен у респондентов, которые живут «от зарплаты до зарплаты» (2,12). Стоит отметить, что среднее ожидаемое число детей у респондентов, которые дают самую низкую оценку своему экономическому положению («денег до зарплаты не хватает»), несколько выше — 2,24.

Таблица 1. *Распределение среднего ожидаемого и желаемого числа детей в зависимости от экономического положения*

| № | Варианты | Ожидаемое число детей | Желаемое число детей |
|----|---|-----------------------|----------------------|
| 1. | Денег до зарплаты не хватает | 2,24 | 2,64 |
| 2. | Живем от зарплаты до зарплаты | 2,12 | 2,44 |
| 3. | На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения | 2,40 | 2,48 |
| 4. | Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг | 2,39 | 2,58 |
| 5. | Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п. | 2,29 | 2,45 |
| 6. | В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать | 2,74 | 2,91 |

У респондентов, которые оценили свое экономическое положение как «на повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения», среднее ожидаемое число детей выше (2,40). Для сравнения: среднее ожидаемое число детей у респондентов, оценивающих свое экономическое положение как «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг», выявлено на уровне 2,39. У респондентов, соответствующих следующему уровню экономического критерия — «покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п.» — 2,29. Таким образом, самый высокий показатель среднего ожидаемого числа — у респондентов с высокой оценкой экономического положения. Однако другой зависимости репродуктивных планов респондентов от экономического положения не обнаружено.

Желаемое число детей — это число детей, которое индивид предпочел бы иметь в своей семье, исходя из собственных склонностей, но без учета конкретной жизненной ситуации [Демографический понятийный словарь 2003: 98]. В исследованиях этот вопрос формулируется как «Сколько детей Вам хотелось бы иметь при наличии всех необходимых условий?». Показатели среднего желаемого числа детей отражены выше, в табл. 1.

Анализ среднего желаемого числа детей в зависимости от экономического положения респондентов показывает, что наибольший показатель у респондентов с самой высокой оценкой экономического положения (2,91), а наименьший — у респондентов с оценкой «живет от зарплаты до зарплаты» (2,44). У респондентов с самой низкой оценкой экономического положения («денег до зарплаты не хватает») этот показатель равен 2,64, что несколько выше, чем у респондентов с более высоким экономическим критерием — «покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п.» (2,45). Другими словами, среднее ожидаемое число детей у респондентов, которые живут «от зарплаты до зарплаты», и у респондентов, для которых покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, имеет близкие значения. Среднее желаемое число детей несколько выше у респондентов, определивших свое экономическое положение как «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг» — 2,58. Показатель у респондентов с экономическим положением «на

повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения» равен 2,48. Таким образом, самые высокие репродуктивные установки у респондентов с самым высоким экономическим положением, но доля респондентов с такой оценкой не значительна. Можно сделать вывод, что в целом экономическое положение не влияет на репродуктивные установки населения региона.

Проанализируем распределение ответов по вопросу о репродуктивных планах в зависимости от экономического положения респондентов. Согласно опросу, от 44,8 % до 49,4 % респондентов планируют рождение двоих детей независимо от экономического положения, за исключением респондентов с самой высокой оценкой семейного бюджета.

Таблица 2. Распределение ответов об ожидаемом числе детей в зависимости от экономического положения (в %)

| № | Варианты ответов | 1 | 2 | 3 | 4 и более |
|----|---|------|------|------|-----------|
| 1. | Денег до зарплаты не хватает | 20,7 | 44,8 | 24,1 | 10,3 |
| 2. | Живем от зарплаты до зарплаты | 21,8 | 47,3 | 24,5 | 5,5 |
| 3. | На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения | 7,4 | 49,4 | 34,6 | 7,4 |
| 4. | Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг | 9,5 | 47,6 | 29,8 | 11,3 |
| 5. | Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п. | 11,8 | 48,5 | 32,4 | 5,9 |
| 6. | В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать | 8,6 | 34,3 | 31,4 | 25,7 |

На рождение троих детей ориентированы около четверти респондентов с низким экономическим положением («денег до зарплаты не хватает» и «живем от зарплаты до зарплаты») и около трети респондентов других экономических статусов.

Существенное отличие в данном вопросе наблюдается в том, что респонденты с низким экономическим положением чаще планируют рождение одного ребенка. Так, 20,7 % респондентов с экономическим

положением «денег до зарплаты не хватает» и 21,8 % респондентов с уровнем «живем от зарплаты до зарплаты» ориентированы на рождение одного ребенка. Аналогичный ответ дали 7,4 % и 9,5 % респондентов со средним экономическим положением, 11,8 % и 8,6 % респондентов с высоким экономическим положением. Таким образом, около половины респондентов независимо от экономического положения ориентированы на рождение двоих детей (за исключением респондентов с высокой оценкой семейного бюджета).

Трое детей входит в репродуктивные намерения четверти респондентов с низким экономическим положением и трети респондентов со средним и высоким экономическим положением. На рождение большего числа детей (4 и более) ориентированы 10,3 % респондентов, оценивших свое экономическое положение как «денег до зарплаты не хватает», и 11,3 % респондентов, оценивших по критерию «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг». Всего 5,5 % респондентов, живущих «от зарплаты до зарплаты», и 5,9 % респондентов, для которых покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, указывают четыре и более детей в качестве ожидаемого числа детей. Четверть респондентов с высоким экономическим положением планирует рождение большего числа детей. Таким образом, репродуктивные планы респондентов со средним и с высоким экономическим положением не отличаются, а респонденты с низким экономическим положением чаще других ориентированы на рождение одного ребенка.

В случае наличия всех необходимых условий около трети респондентов независимо от экономического положения ориентированы на рождение троих детей: 35,7 % респондентов с экономическим положением «денег до зарплаты не хватает»; 33,3 % респондентов, живущих «от зарплаты до зарплаты»; 33,7 % респондентов, для которых покупка одежды вызывает затруднения; 35,2 % респондентов, оценивающих свое экономическое положение как «денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг»; 36,2 % и 31,4 % респондентов с высоким экономическим положением (табл. 3). Иначе говоря, при наличии всех необходимых условий возрастает доля респондентов, ориентированных на рождение троих детей.

Двухдетность является желаемым числом детей для 39,3 % респондентов с самым низким экономическим положением. Два ребен-

ка в качестве желаемого числа детей указывают от 40,5 % до 47,8 % респондентов других экономических статусов. Можно отметить, что примерно равная доля респондентов, оценивших свое экономическое положение согласно критерию «в настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать» (более 30 %), указывают на двухдетность, трехдетность и многодетность в качестве желаемого числа детей.

Таблица 3. Распределение ответов о желаемом числе детей в зависимости от экономического положения (в %)

| № | Варианты ответов | 1 | 2 | 3 | 4 и более |
|----|---|------|------|------|-----------|
| 1. | Денег до зарплаты не хватает | 7,1 | 39,3 | 35,7 | 17,9 |
| 2. | Живем от зарплаты до зарплаты | 12,6 | 40,5 | 33,3 | 12,6 |
| 3. | На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения | 7,2 | 45,8 | 33,7 | 12,0 |
| 4. | Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуемся кредитом или берем в долг | 6,0 | 41,2 | 35,2 | 15,9 |
| 5. | Покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п. | 5,8 | 47,8 | 36,2 | 8,7 |
| 6. | В настоящее время можем почти ни в чем себе не отказывать | 2,9 | 34,3 | 31,4 | 31,4 |

Для незначительной доли респондентов желаемым числом детей является один ребенок. Реже однодетность указывают респонденты с высоким экономическим положением (2,9 %). Респонденты, экономическое положение которых соответствует критерию «живем от зарплаты до зарплаты», указывают этот вариант ответа в 4 раза чаще, чем другие (12,6 %). Четырех и более детей в качестве желаемого числа детей указывают чаще респонденты с высоким экономическим положением (31,4 %). Среди респондентов, оценивших экономическое положение как «покупка дорогих товаров не вызывает больших затруднений, недоступно пока приобретение имущества типа автомашины и т. п.», этот вариант указали всего 8,7 %. Таким образом, два и три ребенка является желаемым числом детей для большинства респондентов независимо от экономического положения.

Анализ репродуктивных установок в зависимости от экономического положения показывает, что большинство респондентов ориентированы на рождение двоих или троих детей. Основное отличие наблюдается в репродуктивных установках респондентов с низким экономическим положением и самым высоким. Первые чаще указывают одного ребенка в качестве ожидаемого числа детей, а вторые — чаще ориентированы на многодетность. При наличии всех необходимых условий возрастает доля респондентов, готовых воспитывать троих детей.

Литература

Елизаров В. В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1. С. 57–72.

Варызгина А. А. Внешние и внутренние факторы, влияющие на выбор превентивной стратегии избегания бедности семьями с несовершеннолетними детьми // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2017. № 1. С. 108–117.

Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л. Л. Рыбаковского. М: ЦСП, 2003. 352 с.

Чистик О. Ф. Анализ доходов населения Российской Федерации и ее регионов // Проблемы развития предприятий: теория и практика. Мат-лы 13-й Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. С. И. Ашмарина. Самара: Самарский государственный экономический университет, 2014. С. 259–262.

2016: Социально-экономическое положение населения: продолжающийся кризис или новая реальность. Исследование Института социального анализа и прогнозирования (ИНСАП) РАНХиГС. М., 2017. 58 с.

Н. В. Бадмаева
(научный сотрудник,
КалмНЦ РАН)

**Проблемы безработицы и миграционные настроения
сельского населения Калмыкии
(по результатам социологического исследования)***
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-23-28

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — госзадание № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021).

Занятость сельского населения — одна из актуальных проблем экономики страны. Сложное социально-экономическое положение аграрного региона влияет на региональный рынок труда. Республика Калмыкия отнесена к числу территорий с напряженной ситуацией на рынке труда. Здесь отмечается самый высокий в Южном федеральном округе уровень безработицы — 9,3 % (табл. 1) [Занятость и безработица ...].

Среднее время поиска работы в республике является одним из самых длительных в России и составляло в 2014 г. 10,2 месяцев. Спрос на рабочую силу намного превышает предложение. На одну заявленную вакансию в республике в начале 2014 г. приходилось 4 человека. Как отмечает Е. А. Гунаев, ситуация хронической безработицы характерна для дотационных регионов с аграрной специализацией хозяйства [Гунаев 2016: 105].

Проблема сельской безработицы — одна из самых сложных и злободневных проблем аграрных регионов [Шаринова 2014: 159]. Она является показателем демографических, экономических, отраслевых проблем сельской экономики, сельского хозяйства, в целом самих сельских территорий. В Калмыкии 54,8 % населения проживает в сельской местности. При этом из всей численности безработных большая часть — жители села (66,1 %). Миграционная активность населения республики вызвана продолжающимися процессами реструктуризации сельскохозяйственных предприятий, низким размером заработной платы в этой сфере, ростом количества безработных, непривлекательностью труда в сельскохозяйственной сфере [Намруева 2016: 28].

Рассмотрим результаты социологического опроса (N=300) по вопросу изучения проблем занятости и миграционного настроения сельского населения, проведенного в 2017 г. отделом комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра Российской академии наук. Среди опрошенных респондентов 38 % составляют мужчины и 62 % — женщины.

В первую очередь были выявлены проблемы, которые наиболее актуальны для жителей, проживающих в сельской местности.

Таблица 1. Проблемы, наиболее актуальные для жителей села

| Проблемы | в % |
|---|------------|
| Наркомания | 0,6 |
| Алкоголизм | 4,6 |
| Безработица, проблемы трудоустройства | 32,9 |
| Жилищные проблемы | 1,2 |
| Финансовые проблемы (низкая заработная плата) | 23,1 |
| Кризис морали в обществе | 1,2 |
| Трудности с организацией досуга | 6,4 |
| Трудности получения качественного образования | 4,0 |
| Проблемы здравоохранения | 16,2 |

Одной из основных проблем по результатам опроса является проблема безработицы и трудоустройства (32,9 %). На втором месте — финансовые проблемы, а именно низкая заработная плата (23,1 %). Также часто назывались респондентами проблемы в медицинском обслуживании, трудности с организацией досуга.

Во время социологического опроса был также задан вопрос, по какой причине респонденты могут лишиться работы.

Таблица 2. Причины, по которым респонденты, возможно, могут лишиться работы

| Причины | в % |
|--|------------|
| Сокращение штата | 15,4 |
| Закрытие предприятия | 20 |
| Пенсионный возраст | 9,2 |
| Омоложение коллектива предприятия | 3,1 |
| Неприязненное отношение со стороны руководства | 4,6 |

| | |
|----------------------|------|
| Другая причина | 3,1 |
| Затрудняюсь ответить | 44,6 |

По результатам, представленным в выше приведенной таблице, более 44% респондентов затруднились ответить, 20 % опрошенных респондентов указали в качестве возможной причины такие ответы, как «закрытие предприятия» (20 %) и «сокращение штата» (15,4 %). На наш взгляд, это также является показателем сложного экономического положения сельскохозяйственной отрасли республики.

Респондентами были названы основные проблемы трудоустройства жителей в сельской местности. В первую очередь, была названа возможная причина потери работы — закрытие предприятий (37,8 %), далее — низкая заработная плата (25,2 %), более 14 % отметили такой вариант ответа как отсутствие рабочих мест по специальности. Таким образом, мы видим, что респонденты называют именно структурные проблемы сельскохозяйственной отрасли как основные проблемы трудоустройства и безработицы.

Рассмотрим готовность к трудовой миграции и условия, при которых опрошенные респонденты могут переехать в другое село или в другой город республики.

Таблица 3. *Готовность выехать на работу в другое село или город республики*

| Согласие выехать на работу | в % |
|----------------------------|------|
| Да | 30,8 |
| Нет | 66,2 |
| Затрудняюсь ответить | 3 |

Таблица 4. *Готовность выехать на работу за пределы республики*

| Согласие выехать на работу | в % |
|----------------------------|------|
| Да | 40 |
| Нет | 56,9 |
| Затрудняюсь ответить | 3,1 |

По результатам, представленным в табл. 3 и 4, более трети опрошенных респондентов готовы выехать для трудоустройства как за пределы своего села, так и за пределы республики. Однако желающих выехать за пределы республики на 9,2 % больше, чем внутри своего

региона. Это подтверждает тот факт, что трудоустроиться в пределах республики, в условиях ее сложного социально-экономического положения, очень сложно. Более 35 % респондентов отмечают, что достаточный уровень заработной платы в республике составляет сумма в 30 тыс. руб. Более 70 % отмечают, что достаточным уровнем заработной платы за пределами республики является сумма в 50 тыс. руб.

Для того чтобы решить проблемы занятости, не обязательно покидать свой регион, необходимо, на наш взгляд, решать проблему на местах. Как отмечают экономисты, современный рынок труда сельских жителей — это два равноправных направления занятости: сельскохозяйственная и альтернативная занятость, которая в настоящее время переживает период становления. Опора на специфические характеристики территорий позволяет сформировать жизнеспособный и развивающийся рынок альтернативной занятости [Малюк, Игнатов, Павлов 2014: 16]. Альтернативная занятость обеспечивается в основном за счет частного бизнеса, который может как открыть свое производство, так и создать рабочие места по осуществлению продажи товаров и услуг в сельской местности.

В связи с этим нами в исследовании был задан вопрос о желании открыть респондентами «собственное дело» и основных трудностях, которые возникают, если респондент собирается начать свою предпринимательскую деятельность.

Таблица 5. Желание открыть свое собственное дело

| Хотели бы открыть свое собственное дело? | в % |
|---|------|
| Да, самостоятельно | 43,1 |
| Да, совместно с товарищем или семейное дело | 20 |
| Нет | 33,8 |
| Затрудняюсь ответить | 3,1 |

Таблица 6. Трудности, возникающие при открытии собственного дела

| Трудности | в % |
|---|------|
| Боязнь сделать первый шаг | 20,5 |
| Недостаток информации о мерах поддержки начинающим предпринимателям | 14,5 |
| Неэффективность политики правительства республики в сфере поддержки предпринимательства | 19,3 |
| Отсутствие денежных средств и возможностей их получения | 38,6 |

| | |
|---|-----|
| отсутствие знаний (правовых, экономических, управленческих) | 7,2 |
|---|-----|

По данным, приведенным в табл. 5, мы видим, что более 60 % респондентов хотели бы открыть свое собственное дело самостоятельно (43,1 %), с друзьями или членами семьи (20 %). Однако среди трудностей, которые возникают при открытии своего дела, опрошенные в большинстве своем указали отсутствие денежных средств (49,2 %). Также было выяснено, что существуют и психологические, и организационные вопросы у сельских жителей при открытии своего дела.

Таким образом, по нашему мнению, сельским муниципальным властям необходимо проведение работы по оказанию всевозможной консультационной помощи населению, которое выражает желание открыть свое собственное дело, решая при этом проблему создания новых рабочих мест.

В ходе социологического исследования мы спросили у респондентов о том, каковы наиболее важные предпосылки того, чтобы молодежь оставалась жить и работать в родном селе, поселке.

Таблица 7. Условия, при которых молодежь может остаться жить и работать в родном селе, поселке

| Условия | в % |
|---|------|
| Стабильная работа | 30,6 |
| Собственное жилье | 11,2 |
| Возможность создать свое дело | 14,1 |
| Развитая социальная сфера (учреждения образования, здравоохранения, досугово-развлекательные) | 12,4 |
| Достойный уровень дохода | 22,9 |
| Высокий уровень охраны правопорядка | 0,6 |
| Развитая инфраструктура | 8,2 |

По результатам опроса, представленным в табл. 7, мы видим, что стабильная работа и достойный уровень дохода являются, по мнению сельских жителей, важными условиями сокращения массового оттока молодежи из села.

В заключение можно сделать следующие выводы. По уровню социально-экономического развития сельская местность традиционно уступает городской, отличаясь более низким качеством жилищного

фонда, низким уровнем развития социальной сферы, высоким уровнем безработицы, более низкими доходами населения. Ограниченные возможности трудоустройства, доступа к качественному образованию, медицинскому обслуживанию, жилищные и другие проблемы ведут к неудовлетворенности селян своим социальным положением и к массовому оттоку из села такой важной социальной группы, как молодежь, что создает угрозы его дальнейшему социально-экономическому развитию. Особое значение данные проблемы приобретают в аграрных регионах с высокой долей сельского населения.

Литература

Гунаев Е. А. Безработица и безработные в Республике Калмыкия // Теория и практика общественного развития. 2016. № 12. С. 105–106.

Занятость и безработица в Российской Федерации в июле 2016 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d01/169.htm (дата обращения: 10.05.2018).

Малюк Л. И., Игнатов В. С., Павлов А. Ю. Трансформация рынка труда сельских муниципальных образований (на примере Пензенской области) // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 32. С. 13–18.

Намруева Л. В. О процессе уменьшения численности крестьян в современной Калмыкии // Известия вузов. Социология. Политика. Экономика. 2016. № 3. С. 26–29.

Шаринова Г. А. Состояние рынка труда в современных условиях на примере Республики Калмыкия // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 4. С. 158–161.

С. Я. Суцкий
(д-р филос. наук, главный научный сотрудник,
Южный научный центр РАН)

**Динамика демографического потенциала Астраханской области
— перспективы первой половины XXI века***

DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-29-37

* Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований: «Опасные природные явления и социальные процессы в Причерноморье, Приазовье и Прикаспии: проблемы взаимозависимости и взаимной обусловленности» (№18-05-80043).

Анализ количественной динамики населения любого российского региона в среднесрочной и более отдаленной перспективе не только представляет теоретический интерес, но становится актуальным в плоскости практического социально-экономического целеполагания.

Динамика численности населения Астраханской области на протяжении последних 30 лет (с 1988 г.) протекает в узком количественном диапазоне от 995 тыс. до 1 021 тыс. населения. Поднявшись, преимущественно за счет миграционного притока, в первой половине – середине 1990-х гг. с 997 тыс. до 1 020 тыс. чел., демографический потенциал области в следующее десятилетие (1998–2007 гг.) снова сократился до 994 тыс.

Активизация демографической политики в масштабах всей Российской Федерации и региона позволила восстановить положительную динамику, и к 2015 г. население области вернулось к своему историческому максимуму (1 021 тыс. чел.). Небольшой, но устойчивый естественный прирост, фиксируемый в первой половине – середине текущего десятилетия (2–3 тыс. чел. в год), создавал определенные предпосылки для сохранения положительной демографической динамики. Однако пульсирующая миграционная активность с преобладанием оттока не позволила этим предпосылкам сложиться в положительную демографическую тенденцию. В самые последние годы депопуляционный тренд снова стал преобладающим, хотя масштабы сокращения численности населения остаются небольшими.

Сравнительный анализ естественной динамики населения области со среднесрочными прогнозами (до 2030–2035 гг.), выполненными специалистами Госкомстата РФ в 2010, 2013 и 2017 гг., позволяет сделать вывод о том, что в первой половине – середине текущего десятилетия реализовался высокий (положительный) сценарий, при котором естественный прирост должен был сохраняться до конца анализируемого периода (табл. 1). Однако динамика данного показателя в 2017–2018 гг. указывает на переход к среднему сценарию по прогнозу 2012 г. (и низкому — по прогнозу 2017 г.), при котором в 2020-е гг. область может войти с минимальной естественной убылью.

Таблица 1. Динамика коэффициента естественного прироста населения Астраханской области, 2013–2030 гг., ‰

| Варианты прогноза | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | Прогноз | | | |
|------------------------------------|------|------|------|------|------|---------|------|------|------|
| | | | | | | 2020 | 2025 | 2030 | 2035 |
| <i>Прогноз Госкомстата 2013 г.</i> | | | | | | | | | |
| Низкий | -1,0 | -1,8 | -2,5 | -3,2 | -3,8 | -5,0 | -6,7 | -7,7 | – |
| Средний | 1,0 | 0,6 | 0,2 | -0,1 | -0,5 | -1,4 | -2,6 | -3,0 | – |
| Высокий | 2,5 | 2,6 | 2,6 | 2,5 | 2,3 | 1,7 | 0,8 | 0,9 | – |
| <i>Прогноз Госкомстата 2017 г.</i> | | | | | | | | | |
| Низкий | | | | | 0,9 | -0,5 | -2,5 | -2,9 | -2,6 |
| Средний | | | | | 2,0 | 1,5 | 0,9 | 0,6 | 1,5 |
| Высокий | | | | | 2,6 | 2,7 | 2,2 | 2,6 | 3,5 |
| <i>Реальная динамика</i> | | | | | | | | | |
| | 2,6 | 2,3 | 2,2 | 2,2 | 0,7 | – | – | – | – |

Составлено автором по: [Предположительная численность 2013; Предположительная численность 2017].

Но демографическая динамика в значительной степени зависит и от механического движения населения. Между тем, пульсирующая кривая миграционного сальдо, характерная для области в последние 15–20 лет, существенно осложняет общий прогноз количественной динамики населения области даже на краткосрочную перспективу. При этом обнаруживается полное несовпадение реального вектора миграции с прогнозами специалистов Госкомстата РФ, которые при всех демографических сценариях предполагают приток мигрантов в область. Согласно прогнозу 2010 г., регион должен был пополниться за 2011–2017 гг. на 10–26 тыс. чел. Однако в реальности миграционное сальдо за данный период оказалось отрицательным. Область потеряла 5,7 тыс. чел. (табл. 2).

Таблица 2. Миграционная динамика населения
Астраханской области, 2011–2035 гг. (тыс. чел.)

| Варианты прогноза | 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | Прогноз | | | |
|------------------------------------|------|-------|------|------|------|-------|-------|---------|------|-------|-------|
| | | | | | | | | 2020 | 2025 | 2030 | 2035 |
| <i>Прогноз Госкомстата 2010 г.</i> | | | | | | | | | | | |
| Низкий | 1,31 | 1,61 | 1,59 | 1,57 | 1,56 | 1,54 | 1,52 | 1,47 | 1,38 | 1,28 | – |
| Средний | 1,86 | 2,37 | 2,49 | 2,6 | 2,66 | 2,69 | 2,74 | 2,9 | 3,01 | 3,0 | – |
| Высокий | 2,47 | 3,3 | 3,58 | 3,82 | 4,02 | 4,14 | 4,27 | 4,71 | 5,07 | 5,21 | – |
| <i>Прогноз Госкомстата 2017 г.</i> | | | | | | | | | | | |
| Низкий | | | | | | | | 1,15 | 0,27 | -0,19 | -0,61 |
| Средний | | | | | | | | 2,16 | 1,64 | 1,48 | 1,45 |
| Высокий | | | | | | | | 3,14 | 2,99 | 3,12 | 3,47 |
| <i>Реальная динамика</i> | | | | | | | | | | | |
| | 3,9 | -3,65 | 0 | 2,43 | -5,0 | -1,45 | -1,94 | – | – | – | – |

Составлено автором по: [Предположительная численность 2010; Предположительная численность 2017].

Вероятное сохранение существующего уровня социально-экономической устойчивости области при наличии в различных сферах социальной жизни очевидных проявлений стагнации будет по-прежнему определять колебательную динамику миграционного сальдо, с чередованием по годам преобладающего притока и оттока, которые тем самым в многолетней перспективе будут в значительной степени компенсировать друг друга. Если же одна из данных тенденций и станет доминирующей, ее масштабы едва ли будут превышать ежегодный уровень в 1–2 тыс. чел.¹.

Тем самым итоговая результирующая миграции в 2018–2020 гг. с большой вероятностью окажется ограниченной 3–5 тыс. чел. В случае положительного миграционного сальдо сложение его с минимальным

¹ Действительно, сложно представить, чтобы в современных социально-экономических реалиях область стала бы ощутимо привлекательной для переселенцев из других регионов Российской Федерации, а резкий количественный рост притока мигрантов из ближнего зарубежья может быть спровоцирован только лишь в случае серьезной политической дестабилизации Казахстано-Среднеазиатского макрорегиона, который и формирует основной поток международной миграции, с одной стороны. С другой — сохранение определенной стабильности в области будет ограничивать масштабы оттока населения. И даже если последний сложится в виде устойчивой тенденции, его размеры едва будут значительными.

естественным приростом позволит населению области сохраниться на количественном уровне, близком к историческому максимуму. Преобладание оттока приведет к частичной взаимокompенсации естественной и механической составляющих и минимальному сокращению населения.

Существует некоторая вероятность и того, что количественное «плато» в демографической динамике региона может продлиться и в более отдаленной перспективе. Более того, по последнему прогнозу Госкомстата РФ наиболее вероятным динамическим сценарием на среднесрочную перспективу является не только сохранение населением области своей численности в существующем диапазоне, но достаточно ощутимый рост, позволяющий достигнуть к середине 2030 гг. уровня в 1 075–1 132 тыс. чел. (табл. 3).

Однако данный прогноз основывается, как уже отмечалось, на явно завышенных оценках будущего миграционного сальдо населения области. По мнению специалистов Госкомстата РФ, даже при среднем сценарии миграционной динамики область в 2018–2035 гг. может пополниться на 31,5 тыс. новых жителей, а при высоком варианте — на 54 тыс. Но, принимая в расчет динамическую кривую миграционной динамики региона за последние 20 лет, крайне трудно рассчитывать, чтобы миграция стала фактором, позволяющим сколько-нибудь заметно нарастить демографический потенциал области. Скорее можно предположить обратное.

Таблица 3. Демографическая динамика населения Астраханской области, 2011–2035 гг. (тыс. чел.)

| Варианты прогноза | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | Прогноз | | | |
|------------------------------------|-------|-------|-------|-------|---------|-------|-------|-------|
| | | | | | 2021 | 2026 | 2031 | 2036 |
| <i>Прогноз Госкомстата 2013 г.</i> | | | | | | | | |
| Низкий | 1 015 | 1 014 | 1 012 | 1 009 | 992 | 961 | 924 | – |
| Средний | 1 019 | 1 021 | 1 022 | 1 017 | 1 023 | 1 018 | 1 009 | – |
| Высокий | 1 019 | 1 024 | 1 028 | 1 033 | 1 051 | 1 070 | 1 088 | – |
| <i>Прогноз Госкомстата 2017 г.</i> | | | | | | | | |
| Низкий | | | | | 1 026 | 1 019 | 1 005 | 989 |
| Средний | | | | | 1 036 | 1 051 | 1 062 | 1 075 |
| Высокий | | | | | 1 043 | 1 070 | 1 098 | 1 132 |
| <i>Реальная динамика</i> | | | | | | | | |
| | 1 017 | 1 021 | 1 019 | 1 019 | – | – | – | – |

Между тем, проекция современного сценария естественной динамики областного населения на 2020-е гг. указывает, что в данном десятилетии весьма вероятным является устойчивый уход региона в зону естественной депопуляции. С учетом количественной динамики женщин репродуктивного возраста, общая численность которых в регионе за 2010–2030 гг. должна будет сократиться на 25–30 %, коэффициент естественной убыли населения области к концу 2030-х гг. может вырасти до 2,5–4 % (при реализации такого сценария естественная убыль за десятилетие составит порядка 15–30 тыс. чел.).

Данное предположение подтверждается и расчетом возможной численности населения области с помощью метода передвижки возрастов. Очевидно, что самую значительную роль в темпах возможной депопуляции населения региона будет играть естественная убыль русских. В случае реализации негативного варианта развития (постепенном падении рождаемости при незначительном снижении показателя смертности, сохранении значительной сверхсмертности населения трудоспособного возраста, а следовательно, и небольшом увеличении общей продолжительности жизни) численность русских в области может сократиться за 2010–2050 гг. на 122–167 тыс. чел. (т. е. на 20–28 %). Положительный сценарий, предполагающий заметное улучшение всех естественно-воспроизводственных показателей русского населения, позволит сократить эти естественные потери до 46–62 тыс. (7–10 %) (табл. 4).

Кроме того, на устойчивую депопуляцию области будет «работать» и динамика областных украинцев, белорусов, ряда других русскоязычных диаспор, а также местных татар. Однако часть данных потерь будет компенсирована естественным приростом казахов (второго по численности народа региона) и крупных кавказских общин. Тем самым, общий демографический потенциал области к 2050 г. в случае реализации умеренно-негативного сценария (без учета миграции) может потерять порядка 120–175 тыс. чел. (12–17,5 %) от уровня 2010 г., а при оптимистическом сценарии естественной динамики — сократиться на 32–47 тыс. (3–5 %).

Таблица 4. Естественная динамика населения
Астраханской области, 2010–2050 гг. (тыс. чел.)

| Народы | 2010 г. | Оптимистический сценарий | | Умеренно-негативный сценарий | |
|------------------|---------|--------------------------|---------|------------------------------|---------|
| | | 2030 г. | 2050 г. | 2030 г. | 2050 г. |
| Русские | 618,2 | 575–581 | 538–544 | 556–572 | 451–495 |
| Народы Кавказа | 49,2 | 59–61 | 65–69 | 58–59 | 60–62 |
| Казахи | 149,4 | 165–167 | 174–176 | 150–153 | 152–155 |
| Татары | 60,5 | 57–58 | 53–54 | 55–56 | 46–48 |
| Остальные народы | 132,8 | 132–133 | 133–135 | 130–135 | 126–130 |
| Всего | 1 010,1 | 988–1 000 | 963–978 | 949–975 | 835–890 |

Примечание: расчеты автора.

Учитывая положительные изменения естественно-воспроизводственных параметров населения России последнего десятилетия, данный сценарий представляется вполне вероятным, если иметь в качестве необходимого условия его реализации сохранение на длительный период политической и социально-экономической стабильности. В этом случае предельный положительный вариант демографической динамики (сценарий «оптимистического максимума»), предполагающий, кроме минимизации естественных потерь, устойчивый миграционный приток в среднегодовом диапазоне 2–3 тыс. чел., дает некоторый рост населения области к середине столетия (до 1 030–1 050 тыс. чел.). При этом вариант «негативного минимума», при котором общая естественная убыль населения может составить порядка 12–18 %¹ и будет дополнена суммарными миграционными потерями в несколько десятков тысяч человек, в состоянии сократить численность населения области к 2050 г. до цифры в 770–800 тыс. чел.

Но очевидно, что два обозначенных крайних варианта обладают минимальной вероятностью. И реальный сценарий демографической динамики будет располагаться между ними. Очевидно и то, что общая демографическая динамика населения области будет определенным образом коррелировать с изменениями численности жителей ее отдельных территориальных сообществ. Хотя с учетом внутрорегиональной миграции данная связь будет далеко не линейной.

¹ Основную долю данных потерь сформируют русские, численность которых за период 2010–2050 гг. при этом сценарии может сократиться до 73–75 % от уровня 2010 г.

Но практически при любом демографическом сценарии в пределах области выделяется ареал устойчивой депопуляции, заключающий, прежде всего, Ахтубинский район, единственный из районов области, в котором численность населения сокращается уже с 70-х гг. XX в. И темпы данного демографического сжатия почти на всем протяжении этого периода превышали 1 % в год, а в первой половине 2010-х гг. в отдельные годы приближались к 3 %, прежде всего, в результате масштабного оттока местного населения за пределы области (рис. 1).

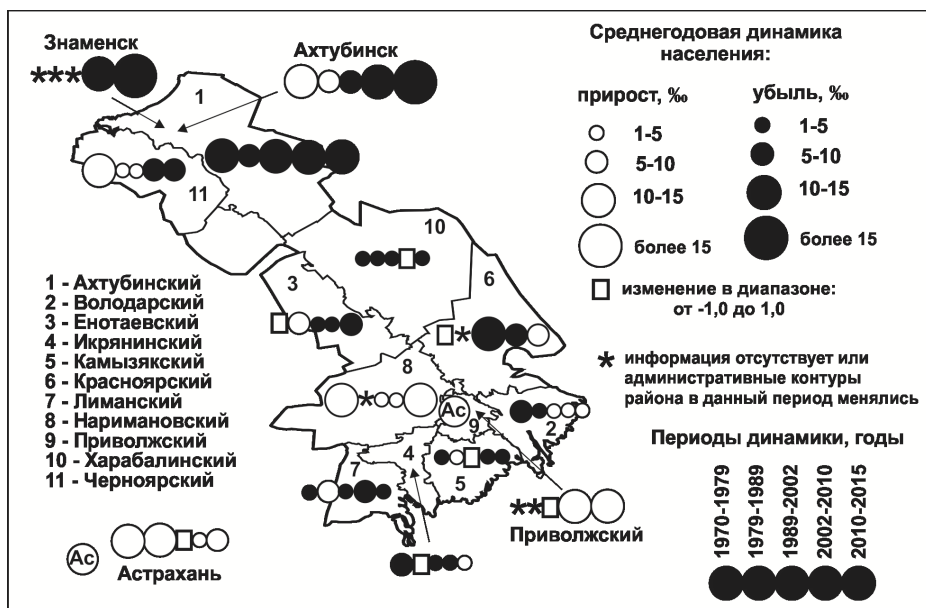


Рис. 1. Демографическая динамика населения сельских районов и городов Астраханской области, 1970–2015 гг.

Составлено автором по: [База данных; Всесоюзные переписи 1970–1989 гг., Всероссийская перепись 2002 г.].

Но даже сокращение последнего на фоне устойчивых внутрирегиональных миграционных потерь и естественной убыли (связанной с преимущественно русским составом населения района) не позволят ему избежать продолжения быстрой депопуляции, которая при неблагоприятном сценарии только за период 2010–2030 гг. способна сократить размеры его населения почти на 40 % (рис. 2Б).

Демографическая динамика большинства других административных районов области будет сопряжена со значительно меньшими потерями населения практически при любом сценарии демографического развития региона. При этом ряд районов, расположенных на юге, с большой вероятностью сохранят или даже увеличат свой демографический потенциал. Прежде всего, речь идет о Приволжском районе, сопредельном региональной столице, а также о более обширных Красноярском и Наримановском районах.

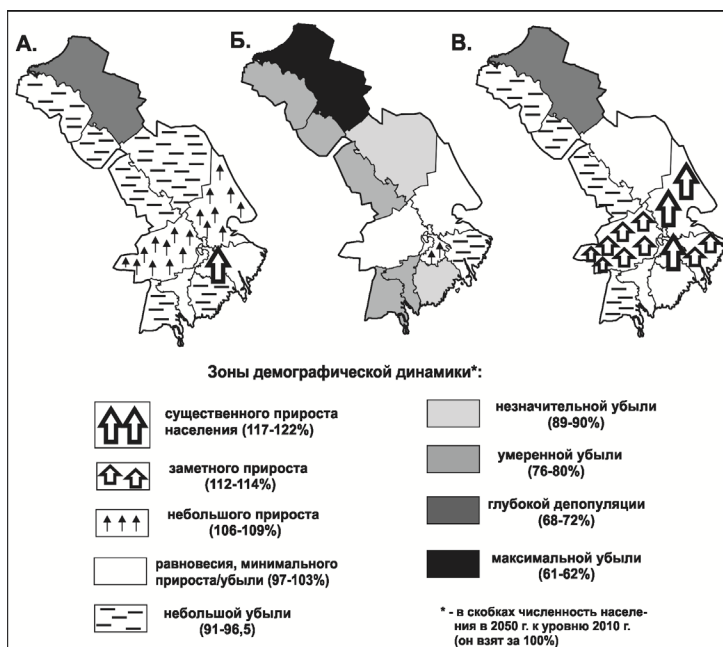


Рис. 2. Прогнозное демографическое зонирование территории Астраханской области

А. Оптимистический сценарий до 2030 г.;

Б. Умеренно-негативный сценарий до 2030 г.;

В. Умеренно-оптимистический сценарий до 2050 г.

Примечание: Расчеты автора.

Но очевидно, что наиболее перспективные в плане демографического роста части данных районов также территориально тяготеют к Астрахани, т. е. на деле все вместе образуют достаточно небольшой

ареал роста с эпицентром в областном центре, притягивающем к себе мигрантов почти со всего региона. Но за пределами этого ареала динамика населения данных районов будет соответствовать общерегиональным тенденциям — сохранять свою численность или сокращаться, различаясь только темпами депопуляции.

Литература

База данных муниципальных образований [электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst60/DBInet.cgi> (дата обращения: 05.06.2018).

Всесоюзная перепись населения 1970 г. Численность наличного населения городов, поселков городского типа, районов по республикам, краям и областям [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg1.php (дата обращения: 05.06.2018).

Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР, автономных республик, автономных областей и округов, краев, областей, районов, городских [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения: 02.06.2018).

Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность наличного населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 01.06.2018).

Всероссийская перепись населения 2002 г. Численность населения России и ее территориальных единиц [электронный ресурс] // URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus02_reg1.php (дата обращения: 04.06.2018).

Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. М.: Росстат, 2010. 56 с.

Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. М.: Росстат, 2013. 64 с.

Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812 (дата обращения: 22.11.2017).

Т. В. Домрачева
(старший преподаватель
кафедры социальных наук и технологий,
Поволжский государственный технологический университет)

Демографическая ситуация в Республике Марий Эл
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-38-43

Демографическая ситуация — это комплексная количественная характеристика и качественная оценка таких демографических процессов, как рождаемость, смертность, миграция, брачность и разводимость, протекающих на определенной территории, их тенденции, итоги к определенному периоду и последствия. Информационной базой для анализа демографической ситуации того или иного субъекта служат данные микропереписей и всероссийских переписей населения, текущего статистического учета демографических событий, материалов выборочных и специальных социально-демографических обследований [Домрачева, Шалаев 2018: 65].

Республика Марий Эл — находящийся в составе Приволжского федерального округа субъект Российской Федерации, который является частью Волго-Вятского экономического района. Численность населения республики, по данным Федеральной службы государственной статистики, на 1 января 2018 г. составляет 682 333 чел., плотность населения — 29,19 чел./км², городское население — 66,15 %, сельское население — 33,85 % [Оценка численности].

По данным доклада социально-экономического положения Республики Марий Эл, составленного Территориальным органом Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл за 2017 г., демографическая ситуация республики характеризовалась снижением числа родившихся, умерших, зарегистрированных разводов и увеличением зарегистрированных браков. Число родившихся в 2017 г., по сравнению с 2016 г., уменьшилось на 14,8 %, число умерших уменьшилось на 5,9 % [Естественное движение населения]. В таблице 1 представлены показатели естественного движения населения за 2016 и 2017 гг. по Республике Марий Эл.

Таблица 1. Показатели естественного движения населения по Республике Марий Эл, 2016–2017 гг.

| | 2016 г. | 2017 г. | прирост (+), убыль (-) | на 1 000 человек населения | |
|---|---------|---------|---------------------------|-------------------------------|---------|
| | | | | 2016 г. | 2017 г. |
| Родившихся, чел. | 9 567 | 8 147 | -1 420 | 13,9 | 11,9 |
| Умерших, чел. | 9 025 | 8 493 | -532 | 13,2 | 12,4 |
| в том числе детей в возрасте до 1 года, чел. | 50 | 37 | -13 | 5,1 | 4,2 |
| Естественный прирост (+), убыль (-), чел. | +542 | -346 | | +0,7 | -0,5 |
| Браков, ед. | 3 695 | 4 022 | +327 | 5,4 | 5,9 |
| Разводов, ед. | 2 544 | 2 490 | -54 | 3,7 | 3,6 |

В целом по республике в 2017 г. число умерших превысило число родившихся на 4,2 %, в 2016 г. число родившихся превышало число умерших на 6 %. В январе–декабре 2017 г., по сравнению с аналогичным периодом 2016 г., данные по показателю уровня младенческой смертности уменьшились на 17,6 % и составили 4,2 промилле.

Число зарегистрированных браков за 2017 г. увеличилось, по сравнению с 2016 г., на 8,8 %, число разводов уменьшилось на 2,1 %, что является положительной динамикой такого демографического процесса, как брачность. Помимо этого, на 100 официально зарегистрированных браков в 2017 г. пришлось 62 развода, в 2016 г. на 100 браков — 69 разводов, что говорит об уменьшении числа расторгаемых браков [Оценка численности].

Такой статистический показатель как смертность населения является немаловажным при оценке и анализе демографической ситуации Республики Марий Эл. Основными причинами смерти в республике стали болезни системы кровообращения, новообразования и несчастные случаи, отравления и травмы. Они составляют, соответственно, 42,5 %, 14 % и 11,4 % от общей численности всех умерших. По сравнению с 2016 г. снизилась смертность от убийств на 22,9 %, болезней органов пищеварения — на 21,1 %, транспортных несчастных случаев — на 8,6 %, новообразований — на 8 %, случайных отравлений алкоголем — на 7,4 %, болезней органов дыхания — на 2,5 %, болезней органов кровообращения — на 1,7 %, инфекционных и паразитарных болезней — на 1,1 %; смертность от самоубийств увеличилась на 15,7 %

[Оценка численности]. Распределение умерших по причинам смерти за 2017 и 2016 гг. по Республике Марий Эл представлено в табл. 2.

Таблица 2. *Распределение умерших по причинам смерти по Республике Марий Эл за 2017 и 2016 гг.*

| | чел. | | |
|---|--------------|--------------|---------------------------|
| | 2017 г. | 2016 г. | Прирост (+), убыль (-) |
| Всего умерших от всех причин | 8 493 | 9 025 | -532 |
| из них: от болезней системы кровообращения | 3 611 | 3 682 | -71 |
| новообразований | 1 190 | 1 296 | -106 |
| Внешние причины смерти | 971 | 1139 | -168 |
| из них: | 137 | 148 | -11 |
| случайные отравления алкоголем | | | |
| транспортные несчастные случаи | 101 | 111 | -10 |
| самоубийства | 121 | 105 | +16 |
| убийства | 44 | 57 | -13 |
| болезни органов дыхания | 377 | 388 | -11 |
| болезни органов пищеварения | 435 | 552 | -117 |
| инфекционные и паразитарные болезни | 61 | 62 | -1 |

Далее для объективной оценки демографической ситуации в Республике Марий Эл следует выделить такой ключевой фактор, как миграция населения. Под ней понимается любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью перемены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности [Домрачева, Шалаев 2018: 48].

По данным доклада социально-экономического положения в Республике Марий Эл за 2017 г., в республику прибыло 19 832 чел., выехало 21 829 чел., что говорит о том, что миграционная убыль составила 1 997 чел. [Общие итоги миграции]. Общие итоги миграции по республике за 2017 г. по данным Маристата представлены в табл. 3.

Таблица 3. *Характеристика миграционной ситуации
в Республике Марий Эл за 2017 г.*

| | Число прибывших | Число выбывших | Миграционный прирост (+), убыль (-) |
|-----------------------------------|--------------------|-------------------|---|
| Миграция — всего | 19 832 | 21 829 | -1 997 |
| в пределах России | 18 781 | 20 883 | -2 102 |
| внутрирегиональная | 10 863 | 10 863 | - |
| межрегиональная | 7 918 | 10 020 | -2 102 |
| Международная миграция | 1 051 | 946 | + 105 |
| со странами СНГ | 798 | 867 | -69 |
| с другими зарубежными странами | 253 | 79 | +174 |

Число выбывших мигрантов, сменивших место жительства в 2017 г., по сравнению с 2016 г. увеличилось на 495 чел. Число выбывших за пределы Республики Марий Эл увеличилось на 731 чел., а в пределах республики уменьшилось на 236 чел. Общие показатели международной миграции по республике за 2017 г. представлены в табл. 4.

Таблица 4. *Показатели международной миграции
по Республике Марий Эл за 2017 г.*

| | Число прибывших | Число выбывших | Миграционный прирост (+), убыль (-) |
|--|--------------------|-------------------|---|
| Международная миграция | 1 051 | 946 | + 105 |
| в том числе с государствами — участниками СНГ | 798 | 867 | -69 |
| Азербайджан | 97 | 107 | -10 |
| Армения | 71 | 101 | -30 |
| Беларусь | 15 | 7 | +8 |
| Казахстан | 53 | 48 | +5 |
| Киргизия | 10 | 7 | +3 |
| Республика Молдова | 35 | 49 | -14 |
| Таджикистан | 86 | 70 | + 16 |
| Туркменистан | 42 | 4 | +38 |
| Узбекистан | 105 | 155 | -50 |
| Украина | 284 | 319 | -35 |

| | | | |
|---------------------------------------|-----|----|------|
| со странами дальнего зарубежья | 253 | 79 | +174 |
| Германия | 7 | 9 | -2 |
| Грузия | 14 | 13 | +1 |
| Израиль | 1 | 2 | -1 |
| Индия | 163 | – | +163 |
| Канада | 1 | 4 | -3 |
| Латвия | 2 | - | +2 |
| Литва | 4 | 3 | +1 |
| США | 10 | 5 | +5 |
| Швеция | 1 | 1 | - |
| Эстония | 2 | 4 | -2 |
| другие страны | 48 | 38 | +10 |

Рассматривая показатели международной миграции за прошедший год, можно сказать, что наибольшее число прибывших — из таких стран СНГ, как Азербайджан, Украина и Узбекистан, меньше всего прибыло из Белоруссии, Киргизии и Туркменистана. По численности выбывших за пределы России больше всего уезжают в Азербайджан, в Узбекистан и Украину, меньше всего в Беларусь, Киргизию и Туркменистан.

Показатели миграции с другими зарубежными странами говорят о том, что из перечисленных стран за прошлый год в республику больше всего приезжали из Грузии, Индии и США, меньше всего из Канады, Швеции и Израиля, уезжали больше в США, Германию и в Грузию, меньше уезжали в Швецию, Латвию и в Индию.

Миграция населения — перемещение людей через границы тех или иных территорий с переменой места жительства навсегда или на более или менее длительное время. В целом можно сказать, что в Республике Марий Эл больше всего развита внутрорегиональная миграция как по числу прибывших, так и по числу выбывших, также и межрегиональная, и международная миграции [Волгин 2012: 101].

Таким образом, демографическая ситуация характеризуется целой системой показателей, а ее исследование предполагает анализ данных об общей численности населения, его половозрастной структуре, уровне старения, а также показателей, характеризующих уровни рождаемости, смертности и воспроизводства населения, т. е. замещения поколений родителей поколением детей. Исследование демографиче-

ской ситуации может также включать изучение миграционных потоков, их объемов и направлений для учета влияния миграции на изменение численности и структуры населения страны или определённого региона, и ее анализ, как правило, производится не только по состоянию на рассматриваемый момент времени, но и за достаточно длительную ретроспективу. Такой анализ позволяет выявить основные закономерности в развитии демографических процессов за период, предшествующий их реально существующему состоянию, и дает возможность определить их будущие тенденции.

Литература

Волгин Н. А. Демография: учебник / под общ. ред. Н. А. Волгина. Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. М.: РАГС, 2012. 439 с.

Естественное движение населения / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл [электронный ресурс] // URL: http://maristat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/maristat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 10.05.2018).

Домрачева Т. В., Шалаев В. П. Демография [электронный ресурс]: учебное пособие. Йошкар-Ола: ПГТУ, 2018. 80 с. // URL: https://portal.volgatech.net/books/Domracheva_Demografia_2018.pdf (дата обращения: 11.05.2018).

Общие итоги миграции / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл (Федеральная служба государственной статистики) [электронный ресурс] // URL: http://maristat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/%20maristat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 30.04.2018).

Оценка численности постоянного населения по компонентам изменения на 1 января 2018 г. / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл (Федеральная служба государственной статистики) [электронный ресурс] // URL: http://maristat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/maristat/resources/e506ce804efb8f1cb527b522524f7e0f/180312+_оценка+числ+РМЭ.pdf (дата обращения: 30.04.2018).

Н. Н. Зыкова
(канд. социол. наук,
доцент кафедры социальных наук и технологий,
Поволжский государственный технологический университет)

**Инновационные социальные практики
в системе социального обслуживания населения**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-44-49

Сегодня практически нет ни одной сферы в обществе, которая в той или иной степени не была бы охвачена инновационными процессами. При этом социальная сфера, пожалуй, в большей мере, чем другие сферы жизнедеятельности, функционирует на основе традиций и стереотипов. Однако изменения, происходящие в современном обществе, требуют новых подходов к организации этой сферы. Основным механизмом реализации государственной инновационной функции социальной сферы является государственная социальная политика. При правительстве РФ в течение 5 лет действует Совет по вопросам попечительства в социальной сфере, возглавляемый заместителем председателя правительства О. Ю. Голодец [Совет при правительстве РФ].

Система социальной защиты населения в Российской Федерации является одним из самых крупных источников расходов бюджетов всех уровней. Как отметил министр финансов РФ А. Г. Силуанов, основными направлениями расходов федерального бюджета в 2018–2020 гг. продолжат оставаться социальная сфера, оборона и поддержка национальной экономики. Основной объем расходов приходится на социальную сферу — 36,4 %, на оборону — 29 %, на национальную экономику — 14,7 % [Бюджет РФ на 2018 год].

Источниками социальных инноваций всегда выступают социальные проблемы, которые невозможно решить с помощью традиционных подходов. Неразрешенность тех или иных социальных проблем дает импульс к поиску и разработке новых средств, форм и методов, используемых в социальной сфере.

Одной из ведущих организационно-правовых форм социальной защиты населения является социальное обслуживание. Понятие социального обслуживания граждан закон определяет как деятельность по предоставлению гражданам социальных услуг. Получателем таких услуг является гражданин, признанный нуждающимся в социальном обслуживании и получающий социальные услуги.

С 1 января 2015 г. в России вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [ФЗ № 442]. Он направлен на внедрение в эту сферу современных правил и норм, повышение уровня, качества и эффективности обслуживания получателей помощи. Четвертый год государство устанавливает социальные стандарты и финансирует предоставление социальных услуг. На сегодняшний день в России сформирована сеть учреждений социальной защиты и социального обслуживания населения.

Модернизация социальной сферы общества является одной из основных задач российского государства, которая ежегодно отражается в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р утверждена Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г., согласно которой внедрение инноваций в общественном секторе и социальной сфере позволит значительно улучшить качество услуг, предоставляемых населению, сократить сроки их предоставления, обеспечить обратную связь в отношении контроля своевременности и качества, а также повысить их доступность [Стратегия ...]

Масштабы оказанных населению услуг свидетельствуют об актуальности проблемы сохранения и улучшения качества социальных услуг, а не только достижения определенных количественных показателей. В связи с этим 29 декабря 2012 г. приказом Министерства труда и социальной защиты РФ утвержден план мероприятий («дорожная карта») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013–2018 годы)» [Приказ Минтруда...]. Реализация «дорожной карты» призвана обеспечить доступность, повысить эффективность и качество предоставления населению услуг в сфере социального обслуживания, увязанных с переходом на «эффективный контракт».

В условиях неизбежно ограниченных социальных ресурсов и значительного числа подлежащих решению комплексных социальных проблем эффективность воздействия может быть достигнута только при помощи инновационных социальных практик. Изучение российской практики на основе печатных и электронных ресурсов позволило выделить инновационные социальные практики, применяемые в системе социального обслуживания населения. Условно можно разделить их на

универсальные (табл. 1), т. е. применяемые в социальном обслуживании различных категорий населения, и более узко направленные.

Универсальные инновационные социальные практики могут быть использованы в работе с пожилыми людьми, детьми и молодежью, инвалидами и другими категориями населения, нуждающимися в социальной защите. Например, социальный контракт. Его условия зависят от конкретной жизненной ситуации индивида. В контракте могут быть прописаны такие условия, как активный поиск работы для родителей, посещение детьми школы, добровольное лечение от алкогольной зависимости.

Таблица 1. Примеры реализации инновационных социальных практик в Российской Федерации (универсальные)¹

| Инновационная социальная практика | Характеристика | Результат |
|---|---|---|
| многофункциональный центр предоставления государственных и социальных услуг | работа построена по принципу «единого окна» | постараться ликвидировать очереди, возможность получить квалифицированную экспертную помощь по различным проблемам в одном учреждении |
| социальный контракт | договор о взаимных обязательствах между получателем социальной помощи и учреждением, предоставляющим помощь; в договоре прописывается, что будет делать каждая из сторон, чтобы изменить сложившуюся неблагоприятную ситуацию | активизация адаптивных возможностей получателей социальных услуг |
| мобильная бригада | сотрудники мобильной бригады выезжают в отдаленные поселения и оказывают социально-бытовые, социально-медицинские, социально-правовые, социально-психологические, социально-педагогические и иные услуги | оказание экстренной и плановой социальной помощи получателям социальных услуг по месту проживания |

¹ Можно использовать для социального обслуживания любых целевых групп населения.

Проанализировав существующие социальные практики, можно сделать вывод, что, кроме универсальных, более всего инновационных социальных практик направлено на обслуживание детей, а также людей пожилого возраста. Общая численность населения России на 1 января 2018 г. составляет 146 880 432 чел. [Население России 2018].

Для социального обслуживания детского населения постоянно появляются новые социальные практики. С 2010 г. функционирует детский телефон доверия. В настоящее время к нему подключено 229 организаций в 83 субъектах Российской Федерации [Детский телефон доверия]. В течение 2-х лет (с 2016 г.) запущен сайт «Детский телефон доверия».

Таблица 2. Примеры реализации инновационных социальных практик в Российской Федерации (социальное обслуживание детей)

| Инновационная социальная практика | Характеристика | Результат |
|-----------------------------------|--|--|
| детский телефон доверия | в сентябре 2010 г. Фондом поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, совместно с субъектами Российской Федерации введен единый общероссийский номер детского телефона доверия — 8-800-2000-122 | снять остроту психоэмоционального напряжения и переживаний, которые испытывает звонящий в данный момент человек, и уберечь юного или взрослого собеседника от опрометчивых и опасных поступков |
| социально-игровая комната | создаются в учреждениях социального обслуживания населения, где можно оставить детей под присмотром специалистов, пока родители получают социальные услуги | социализация детей, которые по каким-либо причинам не посещают дошкольные образовательные организации; помощь родителям при получении социальных услуг |

Очень востребованной практикой оказалась социально-игровая комната в учреждениях социального обслуживания. Первоначально эти комнаты появились в учреждениях финансового профиля (банки) и торговых развлекательных центрах — для того, чтобы родители могли спокойно получать необходимые им услуги. Постепенно эта технология перешла в учреждения социальной защиты.

Все больше появляется инновационных технологий и для обслуживания людей пожилого возраста. Например, практика приемных семей для пожилых людей в России осуществляется на государственном уровне с 2007 г. В течение последних лет активно развиваются университеты третьего возраста. Как правило, они создаются на базе учреждений высшего образования.

Таблица 3. *Примеры реализации инновационных социальных практик в Российской Федерации (социальное обслуживание пожилых людей)*

| Инновационная социальная практика | Характеристика | Результат |
|-----------------------------------|--|--|
| университет третьего возраста | создается персонифицированная модель оказания образовательных услуг для людей пожилого возраста. Образовательная программа формируется на основе различных модулей: иностранный язык, восточные танцы, основы компьютерной грамотности, сад и огород, художественная фотография, шахматы, народный управдом, актерское мастерство. | сохранение активной жизненной позиции пожилых людей, повышение качества их жизни |
| приемная семья для пожилых людей | приемная семья принимает на себя обязанности по содержанию и обеспечению пожилого человека питанием, лекарствами, необходимым уходом, т. е. полностью организует его быт | создание семейного окружения для одинокого пожилого человека, оказание социально-бытовых услуг |

Число получателей услуг, предоставляемых учреждениями социального обслуживания населения, с каждым годом увеличивается. В связи с оптимизацией сети учреждений социального обслуживания возрастает роль обеспечения доступности и повышения качества предоставления социальных услуг населению. По словам министра труда и социальной защиты Максима Топилина, необходимо «сделать учреждения социального обслуживания населения более комфортными и доступными — чтобы они соответствовали необходимым стандартам» [Министр Максим Топилин ... 2018].

Таким образом, в практике деятельности учреждений социального обслуживания населения можно выделить целый ряд инновационных

целевых практических решений проблем получателей социальных услуг. В субъектах Российской Федерации обновлена региональная нормативно-правовая база, разработаны стандарты, направленные на повышение качества социального обслуживания и развитие сферы предоставления социальных услуг. Реализация новых практик в сфере социального обслуживания населения является одним из значимых инструментов преодоления экономических и социальных проблем.

Литература

Бюджет РФ на 2018 год и на плановый период 2019–2020 гг. Досье [электронный ресурс] ТАСС. 24.11.2017 г. // URL: <http://tass.ru/info/4679765> (дата обращения: 04.05.2018).

Детский телефон доверия. Информация о работе детского телефона доверия [Электронный ресурс] // URL: <http://fond-detyam.ru/detskiy-telefon-doveriya/> (дата обращения: 09.05.2018).

Министр Максим Топилин осмотрел учреждения социального обслуживания населения в Республике Адыгея [электронный ресурс] // 30 января 2018 г. URL: <https://rosmintrud.ru/social/social/1136> (дата обращения: 07.05.2018).

Население России: численность, динамика, статистика / Сайт о странах, городах, статистике населения и пр. 11.03.2018 [электронный ресурс] // URL: <http://www.statdata.ru/russia> (дата обращения: 08.05.2018).

Приказ Минтруда России №650 от 29 декабря 2012 г. «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения (2013-2018 годы)»» [электронный ресурс] // URL: <https://rosmintrud.ru/docs/mintrud/orders/9> (дата обращения: 08.05.2018).

Совет при правительстве Российской Федерации по вопросам попечительства в социальной сфере [электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/department/400/events/> (дата обращения: 03.05.2018).

Стратегия ... — Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [электронный ресурс] // URL: <http://government.ru/docs/9282/> (дата обращения: 03.05.2018).

ФЗ № 442 — Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [электронный ресурс] // URL: <https://rosmintrud.ru/docs/laws/112> (дата обращения: 03.05.2018).

С. Ю. Деев, С. Н. Немгирова
(канд. ист. наук,
Институт комплексных исследований аридных территорий;
канд. эконом. наук, зав. отделом,
Институт комплексных исследований аридных территорий)

**Формирование национальной идентичности:
региональные особенности**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-50-57

Этнический фактор активно вошел в повестку дня общественно-политической жизни. Такие категории, как этничность и идентичность, стали политическими инструментами, произошла фактическая институционализация этничности. Российская Федерация столкнулась с обострением отношений в межэтнической сфере, с высокими темпами аккумуляции в ней конфликтного потенциала. Следствием этого стал поиск оптимальной модели этнокультурного развития на современном этапе. В этот процесс активно включились регионы. Именно поэтому в последнее время исследователей этнополитических процессов в России особенно привлекают региональные сюжеты. Проблема лишь в том, что каждый регион Российской Федерации уникален, имеет неповторимую этнокультурную специфику. Это означает, что не существует и единого для всех регионов рецепта решения проблем в межэтнической сфере. В этом контексте этнокультурная политика, учитывающая региональные особенности, становится значимым фактором стабильности социума.

Мы увлечены модернизацией, инновациями, что лежит в рамках нашего сегодняшнего опыта, при создании тех или иных моделей мы чаще используем опыт западных стран. Однако и там все очень запутано. На Россию влияют процессы идентификации, начавшиеся в Европейском Союзе. С одной стороны, мультикультуральные процессы и иммиграция разрушают идентичности стран Европы и способствуют созданию единой идентичности, о чем хорошо сказано у П. Бьюкенена [Бьюкенен 2003]. Но, с другой стороны, есть мнение, что адаптационные механизмы сработают и, следовательно, предсказания о гибели западноевропейской цивилизации сильно преувеличены. Некоторые исследователи считают отдельным случаем феномен национальной идентичности США, где изначально из приехавших людей различных

национальностей формировалась единая нация — американский народ, и идентичность местного населения оказалась под вопросом, вероятно, не в последнюю очередь из-за опасности претензий единственно правоправного народа на владение этими землями. Сегодня аборигены в США маргинальны, но не они влияют на деструкцию идентичности, приметы которой увидел С. Хантингтон [Хантингтон 2004]. Европа, США, многие другие страны находятся на переломе, и мы — не исключение. Вопрос в другом, какими правилами воспользуются страны, и Россия в том числе. От этого зависит национальная идентичность, геополитическое и экономическое место в мире, сохранение «лица» и территорий, что в итоге означает — сохранение государства. Однако при этом было бы чрезвычайно полезно при создании этих схем и моделей учитывать традиции, мифостроительный фундамент, присущие нашей идентичности.

Применение термина «национальная идентичность» относительно России вызывает особенно жаркие споры. Иногда мы слышим заявления, что вообще неправомерно ставить вопрос о единой нации в России даже в гражданском ключе, и поэтому сам термин «национальная идентичность» не корректен. Поэтому трудно спорить с академиком В. А. Тишковым, который считает, что в вопросе о понятиях «царит путаница», чреватая опасностями для общества и государства [Тишков 2008]. Большинство исследователей дробят национальную идентичность, выделяя две ее категории: гражданскую, свойственную населению всей многонациональной страны («мы — россияне»), и индивидуальную или этнонациональную, присущую лицам определенной национальности, целой нации, этносу. Конечно, это очень упрощенное понимание проблемы национальной идентичности. По мнению М. Прайса, этот взгляд на проблему является «романтичным» [Прайс 2000], но в целом понятны все плюсы и минусы такого подхода.

Мы не будем углубляться в проблемы определения. Национальная идентичность, как и любая другая, видоизменяется, постоянно дополняется под воздействием очень многих условий и факторов. Главное — она должна быть. В современной России мы переживаем период видоизменений и дополнений, с момента разрушения Советского Союза мы все еще находимся в стадии «слома», и пока, по различным наблюдениям, до ее завершения далеко.

В России пока не определены основания для становления национальной идентичности в новых условиях, о чем мы можем судить по научной литературе и политическим репликам. Свои позиции по поводу гражданской нации и российского народа как цельного, исторически обусловленного понятия выразила и власть в лице В. В. Путина: «Имею в виду, когда говорю о русских людях и русскоязычных гражданах, людей, которые ощущают, чувствуют себя частью так называемого широкого русского мира, не обязательно этнически русские люди, но те, кто считают себя русским человеком» [Стенограмма 2014].

Вопрос о возможности формирования российской нации, о ценностях, составляющих основу российской идентичности, — это, прежде всего, вопрос об отношении к России, своему народу, этнической и религиозной принадлежности, культуре, традициям и обычаям страны и своей малой родины. Эти проблемы нуждаются в постоянном мониторинге, в том числе и с применением социологического инструментария. Впервые такой замер был произведен в 2012 г. в рамках программы исследований «Этноконфессиональное и межкультурное взаимодействие в Республике Калмыкия», а с 2013 г. Институт комплексных исследований аридных территорий проводит ежегодный мониторинг межэтнических и межконфессиональных отношений, одной из задач которого является выявление особенностей самоидентификации населения (в 2012 г. N=386, в 2013 г. N=509, в 2014 г. N=553, в 2015 г. N=572, в 2016 г. N=400, в 2017 г. N=413). При определении выборочной совокупности учитываются особенности социально-демографического и национального состава генеральной совокупности. Опрос респондентов в возрасте 18 лет и старше проводится в г. Элисте и районах республики. В качестве инструментария исследования используется массовый опрос с применением стандартизированной анкеты.

Выбор идентичности респондент совершает на основе свободного осознания. Данный показатель фиксируется по отношению к суждению: «Кем Вы себя более всего ощущаете: россиянином, представителем своей национальности или гражданином мира (жителем республики)?». Все респонденты были распределены на три типа личности гражданского самосознания (рис. 1). В 2012 г. 59,3 % опрошенных ощущали себя «россиянами». Этот показатель значительно упал в 2013 г. (44,8 %), после чего вновь вернулся на привычный уровень.

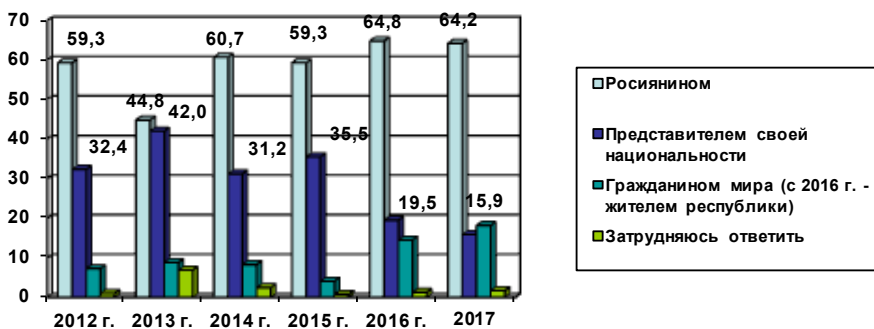


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Кем Вы себя считаете в первую очередь?» (в % по годам)

Процент ответа «россиян» среди опрошенных граждан республики стабильно превышает два других типа идентичности. Говоря о гражданской идентичности, хотелось бы отметить следующее: один и тот же момент может быть и проблемным, и очевидным. С одной стороны, высокая востребованность общенациональной идентичности («Я — россиянин») приводит к разрушению нации (в нашем случае калмыцкой), с другой — более высокая значимость этноконфессиональной константы не может привести к формированию единого и бесконфликтного социального пространства (так называемая «гражданская» нация). И что здесь считать проблемным, а что очевидным? Поэтому мы оставим в стороне оценочные суждения и попробуем сформулировать нашу точку зрения следующим образом: почти всякое явление можно рассматривать как знак какого-то другого явления. На протяжении шести лет мониторинга (2012–2017 гг.) выбор идентичности респондентов делался в пользу самооценки себя как «россиян».

Кто же они — «россияне» Калмыкии? Сельские жители преобладают над городским населением (и это не могло не вызвать нашего удивления), это по большей части женщины (мужчины более склонны указывать свою национальную принадлежность), что достаточно странно. Женщина — носитель традиции и, соответственно, должна быть более склонна к выбору второго ответа. На наш взгляд, сами вопросы анкеты большинство женщин интуитивно связывают с конфликтной ситуацией, допустить которую они не желают. Это люди с

высшим образованием. По социальному положению это в массе своей служащие. Наши «россияне» — люди верующие, но считающие, что конфликты на религиозной основе возникнуть в республике не могут (процент считающих это возможным не превышает планки 8 %). Это в массе своей люди среднего возраста (30–59 лет). Есть еще одна особенность — две трети респондентов, оценивающих свое материальное положение как «очень хорошее», считают себя россиянами. Пожалуй, «чувствовать» себя так в материальном положении без помощи извне, без бизнеса вне Калмыкии, без связей (дружеских и деловых) вне Калмыкии, без перспектив по карьерной лестнице представляется весьма затруднительным. Так что в этом показателе нет ничего удивительного, как и в том, что люди, указавшие в анкете свое положение как «плохое», гордятся своей страной лишь в 25 % случаев.

Интересно, что идентичности (гражданская, этническая), их основные содержательные смыслы и межэтнические установки не так сильно отличались в различных группах (социальных, образовательных, территориальных). Проценты в различных социальных группах примерно одинаковы. Более заметны отличия лишь в возрастных группах, при этом по разным характеристикам наблюдаются разнонаправленные тенденции. Была выдвинута гипотеза, что процент считающих себя «россиянами» должен быть выше в самой старшей возрастной категории (свыше 60 лет). Все-таки это поколение, воспитанное в СССР, где гражданская (советская) нация была основным элементом социализации. Но самый высокий процент (за 70 %) демонстрируют респонденты в возрасте 30–49 лет, что нужно, безусловно, толковать как их открытость к межэтническому общению.

Абсолютное большинство русских респондентов (80 %) считают себя «россиянами», как и половина опрошенных калмыков. В научном сообществе бытует представление об исторической незавершенности процесса национальной консолидации русских, как граждан единого государства («россиян»), с одной стороны, и стремлении к утверждению и саморазвитию общностей, составляющих его полиэтническое население, — с другой. Для Калмыкии это совершенно не верно. И это знак того, что региональная политическая элита не стремится к формированию политического капитала на эксплуатации национального чувства, а у населения нет желания доказывать кому бы то ни было, что он «калмык» или «русский». Для Калмыкии и СССР проблема межэтнических отношений никогда не стояла остро. Советская тео-

рия этноса подстраивалась под существующую идеологию и государственную национальную политику. В теоретическое построение было введено разграничение понятий «этнос в узком смысле слова» — все лица одной национальности и «этнос в широком значении слова» — этносоциальная общность, т. е. народ, а вернее та его часть, которая проживает в пределах «собственного» национально-государственного образования. Калмыки подпадали и под одно и под другое определение. В результате таких теоретических определений, на наш взгляд, появилась масса несоответствий в характеристике этносов (которая не преодолена до сих пор), излишняя институализация, а точнее, абсолютизация структурных элементов, прежде всего государственности, появление иерархии этнических общностей. Например, даргинцы — это нация или этнос, а кто тогда ногайцы. Или другой вопрос: татарин, проживающий в Башкирии, к какому этносу принадлежит.

Сегодня в Калмыкии в сознании населения существуют различные этнические образования разного ранга (этносы, субэтносы), которые, в своей совокупности, составляют сложную иерархическую систему, отражающуюся в самосознании. Так, один и тот же человек, например калмык, может считать себя и азиатом (обозначим как «метаэтнос»), и калмыком (этнос), и казаком (некий субстрат), и торгутом или дербетом (субэтнос). При этом каждому из перечисленных этнических образований присуще свое мировосприятие. Все эти различия в самосознании людей не находят никакого отражения в национальной политике республиканских властей, которая направлена на формирование гражданской нации — «россиян».

Рассматривая результаты по типам людей гражданского самосознания, можно отметить, что люди с самооценкой «россиянин» больше, чем другие, испытывают чувства «симпатии» и «уважения» к другим национальностям. В этом нет ничего удивительного — это один из главных плюсов «гражданской нации» — толерантность.

Самоидентификация взрослой личности проходит по критериям традиции культура — вера — нация. Совпадение у проживающих на территории этносов всех признаков называется зоной этнической бесконфликтности. На основе анализа собранного эмпирического материала мы можем говорить о том, что Республика Калмыкия — это зона этнической бесконфликтности, где «россиян» всегда больше, «чем представителей своей национальности». Учитывая состояние общественного сознания, Республика Калмыкия — полиэтничный,

толерантный регион с самобытной культурой этносов, исторически проживающих на территории региона, где жители ощущают себя россиянами в общероссийском политическом пространстве. Понятие государственной общности как граждан страны широко распространено в республике, и наши респонденты, вполне осознанно отвечая на вопрос об идентификации, ассоциировали себя с этой общностью.

Конечно, нужно оговориться, что на социально-психологическое самочувствие, установки и идентичность граждан влияет целая группа факторов. Среди них: социальный статус взаимодействующих национальностей, их социальный состав, социальное продвижение, образование, доступ к собственности и участие во власти. Имеют значение культурное, антропологическое сходство, а порой и психологическая совместимость. Но, в отличие от многих других регионов, Республика Калмыкия не испытывает на себе высокого миграционного давления, оставаясь местом компактного и достаточно мирного сосуществования двух преобладающих этносов — калмыков и русских. Именно поэтому на первое место здесь выступают «внутренние» межэтнические отношения, для понимания которых необходим целостный, в том числе исторический подход.

В заключение можно сказать о том, что национальная идентичность (ее характер, масштабность, интенсивность) способствует ориентации и мобилизации людей, становится социальным ресурсом в общественном развитии. Поэтому формирование идентичности граждан является необходимым условием сохранения целостности государства и поддержания согласия в обществе. Соответственно, необходимы выработка новых ценностных ориентиров, формирование национальных идеалов, которые должны выступать в качестве вектора развития и регулятора поведения людей, а также инструмента социального прогнозирования.

Литература

Бьюкенен П. Дж. Смерть Запада. М.: Изд-во АСТ, 2003. 444 с.

Прайс М. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: Изд-во Московского университета, 2000. 334 с.

Рябов А. Национальная идентичность перед вызовом глобализма [электронный ресурс] // URL: <http://www.soob.ru/n/2003/2/concept/6> (дата обращения: 18.08.2017).

Стенограмма выступления Путина на совещании послов и постпредов // Российская газета. 01.07.2014 [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2014/07/01/prezident-poln.html> (дата обращения: 20.08.2017).

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. № 4 [электронный ресурс] // URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11152 (дата обращения: 20.08.2017).

Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Изд-во «АСТ»: Изд-во «Транзиткнига», 2004. 635 с.

А. Б. Мендяева
(канд. психол. наук,
ассоциированный научный сотрудник,
Калмыцкий научно-исследовательского института сельского
хозяйства им. М. Б. Нармаева)

**Краткий обзор социологических исследований
идентификационных процессов в Республике Калмыкия**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-58-61

Исследования, проведенные автором и другими исследователями, позволяют констатировать, что этническая идентификация для калмыков важна, и по значимости она выше региональной и общероссийской идентификаций. По мнению Т. Г. Стефаненко, это объясняется тем, что этнос, в отличие от других социальных групп, с которыми человек идентифицирует себя, является устойчивой во времени межпоколенной общностью, имеет стабильный состав, и статус человека в ней стабилен [Стефаненко 2006]. Калмыки, обладающие этнической идентификацией по типу бикультурализма, стремились к сохранению своей этнической самобытности и одновременно проявляли открытость и устойчивость перед сложной задачей овладения навыками иных культур.

Исследования идентификационных процессов в регионе представлены в работах калмыцких социологов Б. М. Муняновой, Л. В. Намруевой, А. М. Нуксуновой и др. Социально-философский анализ национальной идентичности изложен в научных публикациях А. Н. Овшинова, В. Н. Бадмаева, Г. П. Кальдиновой и других. Результаты проводимых опросов показали, что этническая идентичность становится значимой и занимает одно из ведущих мест в социальной идентичности современных калмыков [Мунянова 2009; Намруева 2010; 2012; Кальдинова, Нуксунова 2013; Немгирова 2013; Попков, Четырова 2014].

В исследовании Б. М. Муняновой обнаружено, что формирование национального самосознания в калмыцкой студенческой среде идёт в большей степени по линии моноэтнической идентификации себя с этнической принадлежностью своих родителей и своим этносом. Одновременно с этим в сознании молодёжи в равной степени формируется представление и о своей принадлежности к мировому сообществу: 37,1 % калмыцких и 37,3 % русских студентов заявили, что для них очень важно осознавать себя гражданами мира [Мунянова 2009].

Опираясь на результаты своих исследований, Л. В. Намруева отмечает, что в списке социальных идентичностей доминирует этническая идентичность. Так, 83,4 % респондентов идентифицируют себя с людьми своей этнической группы. С жителями республики Калмыкия респонденты-калмыки идентифицируют себя чуть реже — 73,1 %. Российская (общегражданская) идентичность характерна для 52,3 % опрошенных калмыков [Намруева 2010].

Л. Б. Четырова в статье «Роль буддизма в конструировании этничности калмыков и монголов» приводит данные социологического опроса, свидетельствующие о примерно равном соотношении этнического/гражданского/республиканского уровней идентичностей калмыков: 62 %, 56 %, 65 % соответственно. Глобальная идентичность получила меньший выбор — 37 % [Четырова 2011].

Данные исследований Г. П. Кальдиновой и А. М. Нуксуновой, проведенных в период с 2013 по 2015 гг., позволяют с помощью вопроса «Кем Вы себя считаете в первую, во вторую и третью очередь?» определить уровни идентичности. Доля тех, кто в первую очередь считает себя калмыком, составила 79 %. При этом доля тех, кто в первую очередь считает себя гражданином России, составляла половину опрошенных (50 %), жителем города, в котором проживают, — 40 %. В первую очередь считающих себя гражданами мира — почти треть респондентов (32 %), азиатом — 23 %, европейцем — 11 % [Кальдинова, Нуксунова 2013; 2016].

Исследования Л. В. Намруевой и Е. Б. Поканиновой выявили рост религиозной идентичности, усиление стремления вернуться к традиционным (прежде всего конфессиональным ценностям). С начала 1990-х гг. в республике получает распространение неэтническая, созданная из фрагментов традиционной культуры и обращенная на внешний мир, как реакция на процессы глобализации и попытка восстановить этнокультурные утраты. Своеобразный «кочевнический культурный комплекс», который на предыдущих этапах пронизывал все сферы жизни калмыков, не утратил свое значение в морально-этическом кодексе народа [Намруева, Поканинова 2010].

Исследования А. Н. Овшинова показали, что большинству жителей республики, независимо от национальной принадлежности, присущи глубокие толерантные чувства к окружающим их представителям разных национальностей, к самой республике, которая стала для них за долгие годы совместного проживания на этой земле второй родиной. На примере этнических групп, живущих в Калмыкии, явно заметно,

с одной стороны, растущее осознание этносами внутриэтнических связей (интерес и уважительное отношение к историческому прошлому калмыцкого и, естественно, своего народа; стремление возродить родной язык и этнокультуру), с другой стороны, усиливающаяся потребность межэтнической интеграции и солидарности. При этом сами этносы способствуют сохранению и реализации традиций, возрождению национальной культуры и взаимосвязей с другими культурами, представленными в республике, что помогает им успешно адаптироваться в сложном мире национальных отношений в едином социокультурном пространстве республики [Овшинов 2017].

Современные калмыки имеют позитивную групповую идентификацию, которая позволяет им сохранять свою культурную самобытность и легко адаптироваться к локальным и глобальным переменам. Они стремятся к сохранению своей этнической уникальности, неповторимости, так как понимают, что в любой ситуации они останутся калмыками, представителями своей культуры, веры и истории. И в то же время они хорошо владеют русской культурой, культурой доминирующего этноса России, и берут все ценное, что им может дать мировая культура [Имкенова 1999].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что формирование этнической идентичности современных калмыков идет по своим особым механизмам социокультурной идентификации, вследствие которых у них имеется четкая самоидентификация со своей этнической общностью, прослеживается проявление этнической константности — чувства неизменности и устойчивости этнических характеристик. Особенности «культурного фона» создают условия для сплочения данной этнической группы и делают их этническую идентичность более устойчивой.

Литература

Бадмаев В. Н. Феномен национальной идентичности: социально-фило-софский анализ: дисс. ...д-ра филос. наук. Волгоград, 2005. 292 с.

Имкенова А. Б. К проблеме возрождения калмыцкого языка // Монголо-ведение в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию Б. Х. Тодаевой. Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 214–216.

Имкенова А. Б. Этническая идентичность калмыков. Элиста: АПП «Джангар», 1999. 91 с.

Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи калмыки // Россия — Монголия: культурная самобытность

монголоязычных народов. Сб. науч. трудов. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 207–220.

Мендяева А. Б. Этническая идентичность калмыков: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1997. 168 с.

Мунянова Б. М. Национальное самосознание и этническая идентификация студенческой молодежи калмыки // Социологические исследования. 2009. № 9. С. 58–68.

Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138–142.

Намруева Л. В. Социологический анализ идентичности калмыков и корейцев, проживающих в республике Калмыкия (по итогам опросов, проведенных в 2009–2010 гг.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 39–44.

Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности (по итогам опросов) // Мат-лы IV Всерос. социолог. конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» [электронный ресурс]: Мат-лы IV Очередного Всерос. социол. конгресса. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 2498–2502.

Намруева Л. В. Современная молодежь и состояние калмыцкого языка (По итогам социологического анализа 2000-х гг.) // Российский академический журнал. 2014. № 1 С. 109–113.

Намруева Л. В., Поканинова Е. Б. Характеристика этнической и конфессиональной идентичности населения Республики Калмыкия // Социология власти. 2009. № 4. С. 64–68.

Немгирова С. Н. Идентичность и идентификация: влияние глобальных и локальных социокультурных процессов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий 2014. № 2. С. 110–114.

Нуксунова А. М. Формирование идентичности калмыцкой молодежи в условиях постсоветской трансформации калмыцкого общества: дисс. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2017. 141 с.

Попков Ю. В., Четыррова Л. Б. Ресурс нетрадиционализма в формировании ценностей и идентичности у студенческой молодежи (на примере калмыков, русских, якутов и монголов) // Евразийство и мир. 2014. № 4. С. 131–144.

Овшинов А. Н. Социальная структура российского общества: монография. Элиста: НПП «Джангар», 2013. С. 224–243.

Овшинов А. Н. Коллективная идентичность народов Республики Калмыкия — субъекта Российской Федерации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 5 (май). С. 1–6 // URL: <http://e-koncept.ru/2016/16087.htm> (дата обращения: 15.04.2017)

Четыррова Л. Б. Роль буддизма в конституировании этничности калмыков и монголов // Четвертые востоковедные чтения памяти О. О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб.: Изд-во А. Голода, 2011. С. 190–198.

Л. В. Намруева, Г. С. Денисова
(канд. социол. наук, зав. отделом,
КалмНЦ РАН;
д-р социол. наук, профессор кафедры исторической политологии,
Институт международных отношений
Южного федерального университета)

**Проблемы этнокультурного образования: анализ результатов
анкетных опросов, проведенных в Республике Калмыкия
в апреле–мае 2017 г.***

DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-62-79

* Статья подготовлена в рамках Госзадания № 12.885.2018/12.3 «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в регионах Южного федерального округа (Ростовская область, Астраханская область, Республика Калмыкия).

Новый федеральный стандарт обучения, отменивший дифференциацию образовательной программы на компоненты (в том числе этнокультурный компонент образования), увеличивает риск сокращения объема этнокультурного содержания в учебном процессе. Введение этого стандарта вызывает множество вопросов, а именно: «Как принимается решение о введении таких курсов в конкретных школах республики?», «Насколько эффективно в настоящее время преподаются образовательные курсы этнокультурной направленности?», «Какое влияние оказывает этнокультурный компонент на формирование российской гражданской идентичности?», «Сужение объема преподавания предметов этнокультурной направленности сможет ли вызвать активизацию протестного потенциала в республиканском социуме?» [Денисова, Намруева 2016].

На некоторые из этих вопросов можно получить ответы, проанализировав результаты двух крупных социологических исследований, проведенных в Республике Калмыкия в апреле–мае 2017 г. в рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений «Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Южного федерального округа» (научный руководитель — академик В. А. Тишков). Опрошено 300 учащихся школ и студентов, 180 экспертов [Намруева 2017].

Цель проведения опроса: выявить мнения учащихся, учителей, представителей сферы управления и общественности о потребностях, препятствиях, возможностях и социальных последствиях реализации этнокультурных форм обучения в системе государственного образования.

Структура анкеты включала две группы вопросов: 1) отношение к языковому обучению, и на этом фоне — отношение к освоению национальных языков, а также интерес к предметам этнокультурного содержания; 2) выделение этнической идентичности в собственном «портфеле» идентичностей.

В Калмыкии для проведения опроса выбраны учебные заведения, различающиеся по реализуемым образовательным программам: Калмыцкий государственный университет — единственный государственный вуз в республике (филологический факультет, экономический факультет, Институт калмыцкой филологии и востоковедения, входящий в структуру университета); Калмыцкий филиал Московской академии экономики и права — негосударственный вуз; Элистинский медицинский колледж, Элистинский политехнический колледж — заведения среднего профессионального образования; Калмыцкая национальная гимназия, Элистинский технический лицей; обычные городские школы (№ 2, 21), два сельских образовательных учреждения — Троицкая гимназия (находится в райцентре), Вознесенская средняя школа (малокомплектная школа).

По этнической принадлежности основное большинство респондентов — калмыки (65 %), далее следуют респонденты-русские (28 %), остальные — представители других этнических групп, прежде всего северокавказских. В сфере образования численность русских уменьшается из-за активной миграции из республики, низкой рождаемости. Численность представителей этнических групп из республик Северного Кавказа увеличивается из-за близкого территориального расположения, трудовой миграции в анализируемый регион.

I. Опрос экспертов

Выборка. Экспертами по проблеме этнокультурного образования в Республике Калмыкия стали учителя школ (сельских и городских), колледжей, преподаватели вузов (государственного и негосударственного), представители министерства образования и науки, министерства культуры и туризма, представители общественных организаций

(Ассоциация этнологов и антропологов России, Военно-историческое общество, Всероссийское общество социологов, Российское общество востоковедов, Российское общество монголоведов). Всего опрошено 180 человек, из них — 100 преподавателей школ и ссузов, 50 преподавателей вузов, 20 представителей органов власти, 10 представителей общественных организаций. 53,3 % работают в общеобразовательных учреждениях, 5,6 % — в среднем профессиональном учреждении; 30,6 % — в вузах; 8,4 % в системе образования не работают. Из всех экспертов 81,1 % — представители сферы образования, 8 % экспертов представляют научную общественность, они же занимаются общественной деятельностью, 17,8 % являются представителями управленческих структур в сфере образования, культуры и туризма.

Преподавание этнокультурного компонента. Преподавание этнокультурного компонента основывается на обучении национальному языку (калмыцкому) и ряде предметов, ориентированных на этнокультурное содержание (история, литература, народные ремесла и др.) В республике преподавание калмыцкого языка реализуется в следующих вариантах: как предмет в рамках основной программы и в качестве факультатива. Объем этих вариантов различается в зависимости от степени образования.

Респонденты могли выбрать несколько вариантов, поэтому ответов на каждый вопрос было значительно больше, чем количество респондентов. Структурирование полученных результатов позволяет выделить удельный вес той или иной позиции (ответа) в общем объеме ответов. Благодаря этому можно увидеть степень распространенности ответа по массиву опрошенных. Сравнение собранных результатов показывает, что преподавание калмыцкого языка распространено в рамках основной ступени школы (47,8 %), далее следуют преподавание калмыцкого языка на начальной ступени школы (35,6 %), преподавание калмыцкого языка на средней ступени школы (33,9 %). Преподавание калмыцкого языка осуществляется гораздо реже в вузе (20 %). Преподаватели негосударственного вуза отмечают, что данная дисциплина не предусмотрена учебным планом, а в государственном университете он является дисциплиной на гуманитарных специальностях. Минимальное количество опрошенных указало, что преподавание калмыцкого языка осуществляется на ступени среднего профессионального образования, преимущественно это ответы немногочисленной группы преподавателей медицинского колледжа.

Пятая часть опрошенных указала, что калмыцкий язык преподается факультативно на основной ступени их учебного учреждения. Преподавание дисциплин этнокультурной направленности по объемам значительно уступает преподаванию калмыцкого языка. Об этом можно судить по количеству ответов на этот вопрос. Если на вопросы по преподаванию калмыцкого языка эксперты выбирали по 2–3 варианта (в результате получалось, например, 605 ответов на 200 опрошенных), то на вопросы о характере включения этнокультурного содержания в другие предметы, кроме языков, эксперты выбирали чаще всего один ответ. Видимо, при этом имелась в виду конкретная ситуация той ступени школы, в которой они заняты. Предметы этнокультурной направленности из всех рассматриваемых ступеней чаще всего встречаются на основной ступени школы (35 %). По мере повышения ступени образования объемы преподавания предметов с этнокультурным содержанием сокращаются.

Включение этнокультурного содержания в программу учебных курсов, предметов, дисциплин имеет место, но не является распространенным явлением. В начальной школе на это указали 17,2 % экспертов, для основной ступени — 26,1 %, для средней — 15 %, на ступени среднего профессионального образования — 3,3 %; в вузе — 16,1 %.

Следует отметить, что подавляющее большинство экспертов (83 %) считают, что никаких препятствий для преподавания национального языка в их образовательных учреждениях не существует. Противоположную позицию высказали только 5,6 %. Поэтому 75,4 % экспертов уверены, что школьные администрации в Калмыкии хорошо осведомлены об этнокультурных интересах населения в сфере образования, в том числе о потребностях в национальных языках (кроме русского языка и иностранных языков). Каждый восьмой, напротив, придерживается противоположного мнения (12 %). Такое же количество опрошенных затруднилось с ответом.

Потребности в этнокультурном образовании. Конкретизация потребностей родителей в этнокультурном образовании своих детей с точки зрения экспертов показывает, что основной фокус внимания — на преподавании национального (калмыцкого) языка. Большинство опрошенных (75 %) считают, что в регионе будет в ближайшие годы достаточное количество родителей, ориентированных на обучение детей калмыцкому языку. Половина численности экспертов (50 %) видят перспективу предметов на национальных языках. Более половины

числа экспертов (59 %) считают, что в ближайшие годы в республике будет достаточное количество родителей учащихся, заинтересованных в школьном или вузовском обучении своих детей предметам этнокультурной направленности. Почти треть опрошенных экспертов (31 %) отмечают, что будет в ближайшие годы достаточное количество родителей, ориентированных на обучение своих детей предметам религиозной направленности. Почти половина выборки затруднилась ответить однозначно на этот вопрос (49,2 %).

Сокращение или полное отсутствие национальных языков (кроме русского языка и иностранных языков) и этнокультурного содержания образования в учебных заведениях республики может стать поводом недовольства общественности. Значительная часть экспертов (70,9 %) считает это вполне вероятным. Отрицают такую возможность 8 % опрошенных. Пятая часть (20 %) затруднилась ответить на поставленный вопрос.

Для поддержания межнационального согласия и воспитания установок социального доверия между представителями титульной и нетитульных этнических групп учебные заведения республики, согласно авторитетному мнению экспертов, чаще всего реализуют следующие направления деятельности:

- 1) организация для школьников и молодежи посещения исторических мест, памятников, культурных объектов (мнение 72,8 %);
- 2) проведение мероприятий по предупреждению конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений (70 %);
- 3) развитие межрегиональных и иных культурных связей (65 %); проведение мероприятий, препятствующих распространению ненависти, основанной на националистических, религиозных и экстремистских идеях (58 %).

Менее половины опрошенных отмечают такие направления в деятельности образовательных учреждений, как содействие участию молодежных и детских общественных объединений в мероприятиях по гармонизации межнациональных отношений (45 %); проведение мероприятий, препятствующих распространению идеологии и символики фашизма и нацизма (37 %); поддержка добровольческой деятельности по сохранению культурного наследия (37 %); участие в общественных советах по гармонизации межнациональных отношений (27 %); мониторинг межэтнических и религиозных отношений с целью заблаговременного предупреждения общественных разногласий

и конфликтов (23 %); содействие межкультурному общению и повышению взаимного доверия мигрантов и местного населения (23 %).

Эксперты считают, что изучение национальных языков, народной культуры и традиций в учебных заведениях республики (школах, вузах и др.) необходимы в разной степени для предложенных в анкете 23 видов трудовой деятельности. Полученные результаты позволяют определить пятерку видов труда, в которых целесообразно изучение национальных языков, народной культуры и традиций в учебных заведениях республики (школах, вузах и др.). Выбраны те результаты, которые получили поддержку у более половины опрошенных. «Пятерка» выглядит следующим образом:

- 1) этнографический туризм — 82,8 %;
- 2) образование, воспитание — 72,2 %;
- 3) традиционная кухня — 62,8 %;
- 4) работа в СМИ — 62,8 %;
- 5) художественные промыслы — 53,3 %.

Далее выявим группу профессий, где знание национальных языков, народной культуры и традиций, по мнению экспертов, необходимы, но в значительно меньшей степени. Включаем в эту группу результаты в диапазоне от 30 до 50 %. А именно: переводческая деятельность — 48,9 %; рекламные и оформительские работы, декорирование витрин, ландшафтный дизайн — 41,7 %; производство художественных изделий и игрушек — 36,1 %.

В третью группу видов деятельности включим те, где знания национальных языков, народной культуры и традиций нужны в минимальном объеме. Сюда нами отнесены: разработка интернет-сайтов и программного обеспечения — 29,4 %; швейное, кожгалантерейное, трикотажное производство — 26,1 %; сельскохозяйственное производство, лесоводство, рыболовство — 25,0 %; полиграфические работы — 16,1 %; медицинские услуги — 16,1 %; архитектурное проектирование в гражданском и жилищном строительстве — 14,4 %; рекреационные услуги — 13,9 %; делопроизводство и документооборот — 12,8 %; работы в жилищно-коммунальном хозяйстве и по благоустройству территории — 12,2 %.

В четвертую группу нами отнесены те виды деятельности, где, по мнению экспертов, знания элементов этнической культуры практически не нужны (менее 10 %). Среди них — обувное производство — 9,4 %; деревообработка — 8,9 %; производство мебели — 7,2 %; юри-

дические услуги — 6,7 %; коттеджное строительство и ремонтные работы — 3,9 %. «Знания о народной культуре и национальных языках для перечисленных профессий не нужны», так считают 7,8 % опрошенных.

Выводы по экспертному опросу

1. Во избежание нежелательных ситуаций, связанных с недовольством общественности республики, ни в коем случае нельзя допускать сокращение преподавания калмыцкого языка и этнокультурного содержания образования в учебных заведениях. По мнению большинства экспертов, данные направления будут востребованы родительской общественностью.
2. Для обеспечения хорошей осведомленности об этнокультурных интересах населения в сфере образования необходимо проведение исследований с широким охватом, в том числе сельского населения, которое составляет более половины населения республики. Для этого предусмотреть финансовые затраты.
3. Соответствующим органам управления необходимо исследовать, с чем связаны препятствия в преподавании калмыцкого языка и других этнических языков.
4. Предметы этнокультурной направленности, этнокультурное содержание образования в программе учебных курсов, предметов, дисциплин в старших классах ориентировать на те виды деятельности, которые востребованы в современной действительности (этнографический туризм, художественные промыслы).

2. Мнение учащихся и студентов Калмыкии о проблемах этнокультурного образования.

Выборка. В ходе исследования было опрошено 300 человек обучающихся: 1 группа — 100 учащихся старших классов школ, 50 студентов колледжей и 2 группа — 150 студентов высших учебных заведений. Были выбраны учебные заведения со смешанным этническим составом. В первой группе выборка по гендерному признаку распределена поровну: 50 % юноши и 50 % девушки. Во второй группе доминируют девушки (60,5 %).

По национальной принадлежности: 28 % — русские, 65 % — калмыки, 7 % — представители других этнических групп. Такая структура выборки соответствует молодежным когортам генеральной совокуп-

ности, которая проявляется в доминировании калмыцкой молодежи в образовательных организациях средней и высшей школы. Следует отметить, что, идентифицируя свою национальность, более 80 % обучающихся отметили одну этническую принадлежность, 15 % респондентов указали две национальности. Не более 5 % не пожелали указывать свою этническую идентичность. Некоторых учащихся смутила формулировка вопроса. Большинство опрошенных (90 %) — старожилы, проживают в республике более 10 лет.

Большая часть — 54 % — общается в семье только по-русски. Меньше половины выборки, 46 % опрошенной молодежи, используют два языка в межличностных коммуникациях. Почти половина (46 %) указали на то, что не владеют калмыцким языком. 22 % респондентов указали, что окружающие не владеют этническим языком, еще 5 % отметили, что испытывают стеснение при общении на калмыцком. По этим причинам язык этнического происхождения значительно реже, чем русский, используется молодежью в повседневном бытовом общении. Отсутствуют коммуникативные барьеры только у 32 % опрошенной молодежи, эта треть выборки в большинстве своем представлена учащимися, чьи родители прибыли из республик Северного Кавказа (Дагестана). Они знают и общаются на родном языке.

По мнению подавляющей части опрошенных (90 %), их этнические характеристики не являлись в последний год причиной какого-либо негативного отношения со стороны окружающих. Вместе с тем, такой негативизм довелось испытать примерно 11 % опрошенных (из-за национальности — 8 %, из-за языка — 2 %, из-за религии — 1 %). Однако негативное отношение слабо влияет на общую позитивную атмосферу в межэтнических отношениях. Отвечая на проективный вопрос, относительно перспективы совместного обучения в одном классе (группе) с мигрантами, 43 % респондентов высказали свое положительное отношение, 50 % — нейтральное. Только 4 % опрошенной молодежи относятся к мигрантам негативно.

Установки молодежи на языковое и этнокультурное образование. В настоящее время 92 % школьников и студентов изучают в образовательных учреждениях русский и иностранный (преимущественно английский) языки. Следует отметить, что в текущем анкетировании было увеличено количество респондентов-учащихся, прибывших из республик Северного Кавказа, где, возможно, имеются проблемы с преподаванием иностранного языка. Поэтому результаты фиксируют

снижение численности изучающих его в рамках школьной программы (сравним: в 2015 г. 99 % респондентов указали, что изучают иностранный язык). Студенчество и школьники имеют выраженную установку на изучение иностранного языка: только 8,5 % опрошенных считают, что иностранный язык им не нужен, тогда как 34 % выбрали бы углубленное изучение иностранного, а 6 % — даже обучение на иностранном языке. Более трети, 35 % опрошенных, ограничиваются вариантом его стандартного изучения.

Аналогичный вопрос по поводу изучения русского языка показывает, что большинство респондентов (57 %) выбирают стандартное обучение, а 39 % — углубленное.

Анализ ответов на вопрос по поводу изучения национального языка свидетельствует о том, что потребность в изучении национального языка в республике актуальна: только 16 % опрошенных школьников и студентов считают, что национальный язык им не нужен, тогда как 39 % выбрали бы стандартное, 24 % — углубленное, 14 % — общее знакомство с национальным языком. Обучение на этническом языке тоже выбрали небольшое количество учащихся — только 3 %. Полученные результаты показывают, что молодежь в большей степени ориентирована на изучение иностранного языка, чем на изучение языка этнического происхождения.

Рассмотрим, каков у молодежи интерес к образовательным предметам этнокультурной направленности. Шестерку наиболее интересных предметов этнокультурной направленности входят: история родного края (55 %), национальные традиции (52 %), история народа/история народов региона (49 %), национальная кухня (43 %), национальные танцы (38 %), национальная литература, народный эпос, народные сказания (32 %). Малая доля, 5 % от всей выборочной совокупности, заметила, что никакие темы о культуре народов России им не интересны.

Эти же ребята считают, знания этнокультурной направленности им не нужны (5 %). Противоположного мнения придерживается подавляющее большинство нашей выборки, имеющее разные взгляды на этот счет. Так, пятая часть полагает, что эти знания нужны для ознакомления (20 %), для получения специальных навыков и умений, которые пригодятся в жизни (29 %), для сохранения традиций (61 %). Треть опрошенных отмечает, что предметы этнокультурной направленности нужны, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу

(33 %), эти знания нужны всем, кто любит родной край (33 %), такие знания нужны всем гражданам России (21 %). Вышеприведенные итоги свидетельствуют, что у молодежи сформированы мотивы общения к этнокультурным знаниям, которые связаны с сохранением традиций (61 %) и этнической идентичности (33 %).

Наши многолетние исследования подтверждают, что молодежь ориентирована на прагматическое использование подобного рода знаний, но понимает и другое — эти знания ориентируют на поддержание национальных традиций и обычаев, их сохранение. Такое понимание дает основу для оптимизма и позволяет надеяться на то, что молодежь продолжит тенденцию сохранения и дальнейшего развития калмыцкой культуры [Намруева 2014: 112].

Определим, какие наиболее популярные виды труда и профессии, по мнению обучающихся, нуждаются в знаниях о народной культуре. Среди них определены: туристические услуги (53 %), образование и воспитание (40 %), создание художественных изделий (38 %), народные промыслы, производство игрушек (38%), концертная деятельность (36 %), производство продуктов питания и блюд (35 %). Лишь небольшая доля опрошенных, 6 %, считает, что знания о народной культуре для профессии не нужны.

Проанализируем ориентированность молодежи на прагматический эффект этнокультурной компетенции. 17 % респондентов отметили, что никакие предложенные разработчиками анкеты виды трудовой деятельности им не интересны. 39 % затруднились с ответом. Оставшаяся часть отмечает, что для их будущей профессии интересны: медицина (11 %), образование и воспитание (11 %), туристические услуги (10 %), маркетинг (10 %), юридические услуги (8 %), концертная деятельность (8 %).

Ключевой вопрос для нашего исследования — о соотношении гражданской и этнической идентичности. Подавляющее большинство (77 %) респондентов хотели бы, чтобы окружающие воспринимали их как граждан России, 18 % — как представителя отдельной национальности; 19 % — как представителя региона. Следовательно, у молодежи в большей степени сформирована гражданская идентичность, нежели этническая, тесно связанная с региональной идентичностью, которые в сумме — 37 % — в два раза реже выбраны нашими респондентами по сравнению с гражданской идентичностью (77 %).

Установки учащихся и студентов в сфере межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия

Республика Калмыкия является полиэтничным регионом, в котором межэтнические взаимодействия носят интенсивный характер. По результатам ранее проведенных исследований этнокультурная и этноязыковая среда республики характеризуется высоким потенциалом толерантности. Кроме того, республиканскими органами власти активно поддерживаются общественные паттерны добрососедских отношений между представителями различных этнических групп.

Исследователи отмечают, что социально значимым эффектом укрепления культурного многообразия, развития этнокультурного образования и поддержки функционирования различных языков являются расширение межкультурного сотрудничества и развитие межкультурной интеграции в обществе [Денисова, Цветков 2017: 35]. С этой целью в инструментарий опроса учащейся молодежи включен раздел, определяющий восприятие «Другого», который отличается по культурным характеристикам (языку, этничности, религии, региону прежнего проживания, т. е. мигранту). В решении этих задач использована методика психологического тестирования с помощью рисунков. Все это позволяет определить степень толерантности молодежи региона. В одном из вопросов перечисление параметров располагались как лепестки ромашек, что позволяло уйти от представления в виде каких-либо группировок. При обработке ответов эти параметры сводились в три категории: демографические и персональные отличия (внешность, возраст, здоровье, пол, ум); социальные (место учебы, образование, одежда, сфера занятости вне учебы); культурные (национальность, язык, религия, традиции, место рождения).

Собранный материал показывает, что молодежь в первую очередь выделяет персональные (демографические) отличительные характеристики человека. На персональные характеристики указали 41 %. При этом наибольшее значение имеют возраст (45 %), ум (38 %). Далее следуют внешность (34 %), пол (33 %), здоровье (15 %).

Вторую группу по степени значимости для респондентов составляют культурные характеристики. Их выделили 37 % респондентов. Наибольший интерес представляет для молодежи такая характеристика, как традиции и нормы поведения (45 % ответов), язык (35 % ответов), национальность (28,3 %). Место рождения (20 %) и религия (по 16,9 %) представляют значительно меньший интерес.

Самый незначительный уровень интереса для молодежи представляют социальные различия. При этом в наибольшей степени молодежь обращает внимание на формы проведения досуга (30 % ответов). Внешние формы презентации указаны почти в два раза реже: место работы (учебы) 16,9 %, образование (16,6 %), одежда (16 %) ответов. А такой признак как «благосостояние» практически для молодых людей не играет определяющей роли в восприятии окружающих людей.

Значимость культурных различий конкретизировалась через дополнительные вопросы, направленные на выявление чувств, которые вызывают у респондентов различные культурные характеристики «Другого». Рассматривались такие параметры, как отличия по языку, национальности (этничности), традициям и нормам поведения, религии. Каждый из этих четырех индикаторов предлагалось оценить по четырем аспектам: шкале интереса, шкале поддержки, шкале прагматики («пригодится в жизни»), шкале доверия. Каждая шкала имела трехчастную размерность: *позитивную оценку* (ощущаю интерес, хочется поддержать, ощущаю новые возможности для последующего использования, готовность доверять); *нейтральную позицию* («ничего не ощущаю»); *негативную оценку* («не хочу общаться», «не одобряю», «чувствую препятствия», «ощущаю тревогу»). Предполагалось, что при статистической обработке можно будет выделить соотношение трех стереотипных оценок каждого из индикаторов культурных отличий (например, культурные отличия по языку вызывали в целом стереотип позитивного отношения, нейтрального или негативного).

Вопрос «Какие чувства у Вас возникают, если замечаете в людях отличия?» позволил определить стереотипные отношения учащейся молодежи в зависимости от конкретных отличий, в нашем исследовании по языку, по месту предыдущего проживания, по национальности, по традициям и нормам поведения, по религии.

Несмотря на языковые различия, большинство опрошенных (58 %) ощущают интерес, четверть ничего не ощущают к носителям иного языка, а 16 % не испытывают желания общаться с ними. Половина респондентов поддерживает, ничего не ощущает по отношению к таким людям, меньшее количество неодобрительно относится к ним. Менее половины (44 %) при встрече с людьми другого языка чувствуют новые возможности. 28 % ничего не ощущают к ним, такое же количество чувствует препятствия. По критерию «доверие» значительно меньше положительных ответов. Так, всего лишь 20 % призна-

лись, что они готовы доверять носителям другого языка. 45 % ничего не ощущают к таким людям. Чуть более трети, 35 %, ощущают тревогу по отношению к ним.

По отношению к прибывающим из других мест большинство опрошенных (68 %) проявляют интерес, пятая часть (21 %) ничего не ощущают к ним. А каждый девятый респондент (11 %) не испытывает желания общаться с ними. Около половины опрошенных (46 %) готовы их поддерживать, более трети (38 %) ничего не ощущают к таким людям, меньшее количество (16 %) неодобрительно относится к ним. Более трети опрошенных (36 %) при встрече с мигрантами чувствуют новые возможности. 40 % ничего не ощущают к ним, четверть анкетированных (24 %) чувствует препятствия. По критерию «доверие» наблюдаем значительное уменьшение положительных ответов. Только 15 % готовы доверять прибывшим из других мест. Почти половина, 49 %, ничего не ощущают к таким людям. Более трети, 36 %, ощущают тревогу по отношению к ним.

По отношению к гражданам другой национальности 41 % опрошенных проявляют интерес, такое количество опрошенных ничего не ощущают к ним. 18 % не испытывают желания общаться с ними. Более трети опрошенных (35 %) готовы поддерживать представителей иной этнической группы, 43 % ничего не ощущают к ним, пятая часть (22 %) опрошенных неодобрительно относится к ним. Почти четверть опрошенных (23 %) при встрече с лицами другой национальности чувствуют новые возможности. Около половины 49 % ничего не ощущают к ним, более четверти анкетированных (28 %) чувствует препятствия. По критерию «доверие» заметно уменьшилось число положительных ответов. Только каждый пятый (20 %) готов доверять представителям другой этнической группы. 44 % ничего не ощущают к ним. Более трети, 36 %, ощущают тревогу по отношению к ним.

По отношению к представителям других традиций большинство опрошенных (57 %) проявляют интерес, заметно меньшее число опрошенных (29 %) ничего не ощущают к ним. 14 % не желают общаться с ними. Более трети опрошенных (36 %) готовы поддерживать представителей иных традиций, 39 % ничего не ощущают к ним, четверть (25 %) опрошенных проявляют неодобрительное отношение к ним. 30 % опрошенных при встрече с людьми других традиций чувствуют новые возможности. 39 % ничего не ощущают к ним, 31 % анкетированных

емых чувствует препятствия. По критерию «доверие» только каждый пятый (22 %) готов доверять представителям других традиций. 40 % ничего не ощущают к ним. Более трети, 38 %, ощущают тревогу по отношению к ним.

По отношению к лицам, исповедующим другую религию, менее половины опрошенных (41 %) проявляют интерес, 39 % ничего не ощущают к ним. Каждый пятый респондент (20 %) не желает общаться с ними. Менее трети опрошенных (30 %) готовы поддерживать представителей другой религии. Около половины, 48 %, ничего не ощущают к ним, 22 % проявляют неодобрительное отношение к ним. 23 % опрошенных при встрече с приверженцами другой религии чувствуют новые возможности. Около половины, 46 %, ничего не ощущают к ним, 31 % анкетированных чувствует препятствия. По критерию «доверие» только 16 % готовы доверять представителям другой религии. 44 % ничего не ощущают к ним. 40 %, ощущают тревогу по отношению к ним.

Исходя из полученных результатов, можно определить совокупность стереотипных отношений. В зависимости от языкового различия у 43 % респондентов формируются позитивные стереотипы, у 33 % — нейтральные, у 24 % — негативные стереотипы.

Фактор места предыдущего проживания влияет на формирование положительных стереотипов (41 %), нейтральных (37 %), отрицательных (22 %).

Принадлежность к разным этническим группам влияет на складывание позитивных стереотипов (30 %), нейтральных (44 %), отрицательных (26 %).

Отличия в традициях и нормах поведения формируют положительные (36 %), нейтральные (37 %), отрицательных (27 %) стереотипы.

В зависимости от религиозного различия у 28 % респондентов формируются позитивные стереотипы, у 44 % — нейтральные, у 28 % — негативные стереотипы.

В целом следует констатировать, что культурные отличия формируют позитивные (35 %), нейтральные (39 %), отрицательные (26 %) стереотипы.

Рассмотрим широту позитивных стереотипов о культурных отличиях: 37 % ощущают интерес, 28 % испытывают желание поддержать, 22 % чувствуют новые возможности, 13 % готовы доверять. Как видим, самый низкий результат показан по шкале «доверие».

Состав негативных стереотипов о культурных отличиях выглядит следующим образом: 16 % не хотят общаться, 20 % ощущают неодобрение, 28 % ощущают препятствия, 36 % ощущают тревогу. Самый высокий отрицательный результат вновь получен по шкале «доверие».

Нейтральные стереотипы о культурных отличиях состоят из следующих вариантов: особого интереса нет, но общение допускают (28 %), не поддерживают, но и не отрицают (26 %), мне от этого ни выгод, ни проблем (26 %), особого доверия нет, но и не тревожит (29 %).

Отношение к культурно «Другому» в учебном коллективе

С помощью рисуночного вопроса определено отношение к лицам, отличающимся от группы религиозными, языковыми особенностями. На схематических картинках расположены учащиеся в разной конфигурации микрогрупп, и отдельно находящиеся учащихся. Респондент стрелкой должен был указать позицию, которую с его точки зрения занимает «Другой» в этом пространстве. Дистанция этой позиции оценивалась при обработке данных с точки зрения восприятия респондентом степени удаленности (включенности) «Другого» в коллектив учащихся.

В ситуации «перемены между занятиями» проективное расположение студента-мигранта свидетельствует в половине случаев о полной интеграции его в учебном коллективе (51 %), о значительной интеграции (14 %), об определенной интеграции (3 %), о незначительной интеграции, определенной изоляции (18 %), полуизоляции (1 %). Можно утверждать, что дети-мигранты, обучающиеся в школах, вузах республики, в большинстве своем интегрированы в социуме учащихся. Однако ответы 14 % респондентов свидетельствуют об обратном, учащиеся мигранты изолированы полностью.

Расположение учащегося, отличающегося по религиозному признаку, информирует о том, что более половины опрошенных (59 %) воспринимают его полностью интегрированным в коллективе. Ответы 16 % также говорят об интеграции такого обучающегося (значительной интеграции — 8 %, об определенной — 8 %). Мнение 16 % респондентов свидетельствует о разной степени изоляции (определенной — 15 %, полуизоляции — 1 %). 9 % опрошенных считают такого члена учебного коллектива, который отличается своим вероисповеданием, полностью изолированным.

Рассматриваемый проективный рисунок фиксирует, что учащийся с другим языком общения, по мнению 80 % опрошенных, интегрирован в учебном коллективе в разной степени (полностью — 63 %, значительно — 9 %, определенно — 10 %). Ответы пятой части нашей выборки (20 %) свидетельствуют об обратном, изоляции (полной — 9 %, полуизоляции — 3 %, определенной — 8 %).

В целом ответы на три рисуночных вопроса позволили определить проективное отношение к культурным отличиям в учебном коллективе. Так, для более половины опрошенных (58 %) культурные отличия не имеют значения. 17 % учитывают частично культурные отличия. 15 % подчеркивают культурные отличия. Десятая часть (10 %) обостренно воспринимает эти различия.

Выводы по опросу обучающихся в школах и вузе

Собранный материал свидетельствует о том, что в Республике Калмыкия существует устойчивая потребность в реализации этнокультурного образования и преподавании калмыцкого языка. Ее обозначают, в первую очередь, представители старшего поколения — учительский (преподавательский) корпус. Однако молодежь ориентирована на углубленное изучение национального языка в два раза меньше, чем взрослые. Таким образом, сохраняется тенденция, отмеченная одним из авторов статьи еще в 2010 г., что «в реалиях повседневной жизни калмыки часто делают выбор в пользу русского языка, который дает им больше возможностей для жизненного самоопределения, личностного и профессионального роста, успешной социальной мобильности» [Намруева 2010: 141].

Потребность в изучении национального языка в республике актуальна. При этом каждый шестой опрошенный считает, что национальный язык им не нужен. Большая часть придерживается противоположного мнения.

Молодежь имеет коммуникативные барьеры в говорении на языке этнического происхождения, так как не владеет калмыцким, а также в том, что окружающие не общаются на этническом языке, т. е. отсутствует языковая среда.

Востребованы обучающимися: история родного края, национальные традиции, история народа/история народов региона, национальная кухня, национальные танцы, национальная литература, народный эпос, народные сказания.

Мотивы приобщения к этнокультурным знаниям у молодежи связаны с сохранением традиций и этнической идентичности.

Стереотипные отношения учащейся молодежи к представителям иного языка, другой национальности, религии в большинстве своем носят положительный характер.

Учебные коллективы в средней школе и в вузах открыты к интеграции культурно «Другого». Однако мигрантское происхождение совместно с религиозными отличиями может вызвать полу- и полную изоляцию культурно «Другого», на что ориентировано до 20 % опрошенной молодежи.

Соответствующим органам власти Республики Калмыкия можно рекомендовать:

- проведение мониторинга по проблемам формирования гражданской и этнической идентичности, а также выявление запросов родителей и учащихся на языковое и этнокультурное образования;
- обратить внимание на позиционирование влияния этнокультурных традиций в оформлении социокультурной среды — архитектуры, парков, дизайна одежды и др. Для этого могут быть организованы выставки материальной культуры калмыков; дискуссии, направленные на позиционирование прикладного аспекта этнокультурных знаний; в учебной литературе должны быть представлены элементы материальной и духовной культуры калмыков;
- организовывать и проводить различного рода тренинги, конкурсы проектов и различные формы молодежной активности, направленные на преодоление стереотипов и фобий в отношении других вероисповеданий и мигрантов.

-

Литература

Денисова Г. С., Денисова А. В., Намруева Л. В. Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности? // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016. № 2. С. 176–186.

Денисова А. В., Цветков О. М. Языковое образование и гуманитарный предметно-дисциплинарный цикл в системе образования Республики Адыгея в контексте формирования российской идентичности (анализ социологического опроса учащихся и студентов) // Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования

российской идентичности, воспитания гражданственности и солидарности в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. Научное издание / под общ. ред. проф. Г. С. Денисовой. Ростов н/Д: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. С. 29–40.

Намруева Л. В. Языковое образование и гуманитарный предметно-дисциплинарный цикл в системе образования Республики Калмыкия в контексте формирования российской идентичности // Реализация гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданственности и солидарности в регионах Южного федерального округа. Экспертный доклад. Научное издание / под общ. ред. проф. Г. С. Денисовой. Ростов н/Д: Изд-во Фонд науки и образования, 2017. С. 101–117.

Намруева Л. В. Как калмыки знают свой язык // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 138–141.

Намруева Л. В. Современная молодежь и состояние калмыцкого языка (по итогам социологического анализа 2000-х гг.) / Российский академический журнал. 2014. № 1. С. 109–113.

Л. В. Карцева
(д-р социол. наук, профессор кафедры педагогики,
Университет управления «ТИСБИ»)

**Позиция родителей учащихся средних школ
по вопросу выбора подростками будущей профессии
(на материалах опроса школьников г. Казани)**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-80-89

Двадцать первый век демонстрирует миру стратегии бурного развития техники и технологий. Фактически весь земной шар превратился в поле для уникального социального эксперимента: технические устройства внедряются в личное пространство человека, заполняют его, вытесняя собственно социальное начало его электронным симулякром, когда реальность отодвигается под мощным воздействием представления о ней (псевдовещи). Как пишет социолог Э. Гидденс, «мир ускользает из рук» [Гидденс 2004: 18], становится всё более неуправляемым.

В качестве примера такой псевдовещи выступает представление взрослых людей, имеющих детей подросткового возраста, по поводу выбора ими будущей профессии. В эпоху «глобальной электронной экономики» [Гидденс 2004: 31] идёт переоценка ценностей, накапливается информация, перечёркивающая устаревшие приоритеты профессионального выбора молодыми людьми, но не затрагивающая пока сознания старших поколений.

Так, если во времена Советского Союза было престижно получить диплом о высшем профессиональном образовании по таким популярным профессиям, как врач, экономист, юрист, то к началу двадцать первого века на первый план вышли иные виды занятости, и в том числе — государственное муниципальное управление, менеджмент, позволяющие молодым людям занять положение у руля российской экономики. А спустя два десятилетия на авансцену вышли совершенно другие специальности — рабочие, те, которые нацеливают молодёжь на деятельность мускульную, преимущественно физическую, но требующую высокой интеллектуальной подготовки.

Э. Гидденс на этот счёт пишет о глобальном космополитическом обществе, где традиционный образ жизни подвергается мощному давлению, и уже не боги или судьба правят балом, а способность и готов-

ность идти на риск, поддерживать научные инновации, дерзать. Более того, сами традиции меняются, трансформируются, сообщая миру новые истины — те, что порождаются определёнными сообществами, группами [Гидденс 2004: 57–58].

По поводу получения профессии социолог и футуролог Д. Белл расставляет акценты совершенно определённо: существующие производственные технологии активно сменяются информационными, коммуникативными, микроэлектронными [Белл 2004]. Возникают полностью автоматизированные заводы-роботы, производство рационализируется, резко возрастает его эффективность. Появляющееся у людей свободное время, как и деньги, направляются на сферу услуг, которая становится третичным сектором занятости. Индустриальное общество уходит, а вместе с ним занятость в сфере сельского хозяйства и в сфере промышленности как первичная и вторичная. При этом третий сектор стимулирует развитие первого и второго. Стратегическую нишу занимают информация и информационная деятельность — как в экономике, так и в политике и социальной жизни.

По данным Министерства труда, занятости и социальной защиты населения Татарстана, в перечне рабочих профессий и специальностей для системы среднего профессионального образования, наиболее значимых на данный момент для экономики РТ, свыше 100 видов занятости. В их числе — автоматизация технологических процессов и агрономия, бурение нефтяных и газовых скважин и ветеринария, гостиничный сервис и дизайн, лечебное дело и дошкольное образование, ремонт и обслуживание автомобилей и строительные и декоративные работы, поварское и кондитерское дело и пожарная безопасность, прикладная геодезия и преподавание в начальных классах, сестринское дело и электронные приборы и устройства. В перечне фактически все специальности, которые требуют физических и интеллектуальных усилий, практических умений и навыков.

Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года [Стратегия развития воспитания в Российской Федерации 2015] предлагает произвести качественные изменения в отечественной системе воспитания, включающие в себя «развитие значимых способностей, умений и навыков, обеспечивающих социальное и гражданское становление личности, успешную самореализацию в жизни, обществе и профессии». Возникает вопрос о том, способны ли родители современных школьников осознать происходящие перемене-

ны, выступить для своих детей мотиваторами выбора знаний и специальностей, наиболее необходимых для экономики.

С целью проведения анализа ситуации в девятых классах средней общеобразовательной школы Центром консультирования и просвещения по вопросам трудового воспитания детей в г. Казани в рамках реализации социально значимого проекта «Семья и трудовое воспитание подрастающего поколения в контексте Стратегии развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года (второй этап)» по договору гранта Президента Российской Федерации № 17-2-7790 было проведено тестирование. Тесты разработаны Экспериментальной площадкой г. Москвы по исполнению Гранта Президента РФ № 17-2-007790, 2018 г.

В ходе проведения тестирования родителей учащихся средних школ г. Казани (Татарстан) были опрошены 136 родителей: 95 из семей с преимущественно одним–двумя детьми (средняя школа № 77 Авиастроительного района г. Казани) и многодетные родители из гимназии № 28 Вахитовского района г. Казани (16 родителей) и гимназии № 40 Приволжского района г. Казани (25 родителей). Цель опроса: выявить границы осведомлённости опрашиваемых на предмет актуальности тех или иных профессий и специальностей, установить намерения семей относительно выбора подростками рода занятий на ближайшие годы: либо это будет обучение в старшем звене школы, либо продолжение образования в системе СПО.

Ответы были обработаны по каждому учреждению образования, проанализированы по параметру числа детей в семьях. В данной статье представлен сравнительный анализ ответов многодетных и малодетных родителей по наиболее значимым вопросам профориентационной работы с учащимися школ.

Как показало тестирование, родители учащихся выпускных и предвыпускных классов средних школ находятся в процессе принятия решения о профессиональном будущем своих детей. При этом информация о мире профессий, о степени их популярности и нужности в обществе, государстве поступает к ним неравномерно. О том, что такое высокотехнологичные рабочие профессии, судя по устным ответам анкетированных, осведомлённость отсутствует. Интерес колледжей, техникумов, профессиональных лицеев, готовящих кадры для промышленного производства, направлен в большей степени на школы, расположенные в промышленной зоне Казани, где находятся крупнейшие

промышленные предприятия республики, на которых трудятся родители учащихся.

Проведенное исследование показало, что малодетные родители в большей доле, чем многодетные, убеждены, что школьный возраст располагает к выбору профессии, готовы направить детей к профессиональному самоопределению, что подчёркивает индивидуальный подход отцов и матерей в воспитании. В большей степени, чем в семьях с несколькими детьми, малодетные родители сходятся со своими детьми в представлениях об их будущей профессии (15,5 % против 0,0 % в многодетных семьях). Несколько большая доля ответов многодетных родителей — по параметру обсуждения о будущей деятельности с ребёнком (90,0 % против 73,4 % в группе малодетных). Данные значения могут свидетельствовать о том, что взгляды детей и родителей в многодетных семьях сходятся реже, чем того хотелось бы, ввиду чего общее представление о будущей занятости детей не формируется.

Любопытен такой факт: значительно большая часть многодетных родителей (56,4 %) склонна обучать своих детей домашнему труду. В группе малодетных мам и пап такой настрой замечается реже (36,0 %). Очевидно, сказывается необходимость перераспределения родительских трудовых обязанностей между взрослыми и детьми, помощи по дому в направлении от младших к старшим.

В итоге на момент опроса вдвое большая часть малодетных родителей была уверена в том, что знает, кем хочет стать ребёнок (20,0 % против 10,0 % в группе многодетных). О том, что выбор профессии у ребёнка отсутствует, заявили 16,5 % многодетных и почти вдвое меньше (8,5 %) малодетных родителей.

В многодетных семьях, судя по опросу, дети больше расплываются. Так, многодетные родители в 73,5 % случаев выбирают ответ «ему нравится несколько профессий», тогда как данный ответ в малодетных семьях — 59,6 %. Поиск себя — процесс долгий, в юном возрасте он может быть хаотичным, и сужение круга поиска — задача не только для школы, но и для семьи, которая многие стороны личности ребёнка видит лучше.

Неудивительно в этом свете, что более чёткими являются планы детей из малодетных семей. В частности, определились с выбором после 9 класса 14,2 % многодетных и 29,6 % малодетных; не знают, что будут делать дальше, 18,5 % родителей с несколькими детьми и только 4,2 % мам и пап с одним-двумя детьми.

По поводу того, что делать после 11 класса, если дети закончат его, опрошенные родители чувствуют себя так же неопределённо: более или менее ясны их планы в 24,2 % многодетных и в 55,7 % малодетных семей. Не имеют представления о будущем соответственно 24,7 % и 13,3 % опрошенных родителей.

Высокая занятость родителей в многодетных семьях не позволяет им внимательно оценивать ситуацию с выбором детьми будущей профессии, отслеживать развитие событий на протяжении всего процесса формирования и социализации личности ребёнка. В определённом сегменте семей складывается конфликтная ситуация между детьми и родителями по данному вопросу.

Так, не согласны с выбором ребёнка 12,5 % родителей, имеющих трёх и более детей, тогда как в малодетных семьях такая ситуация не фиксируется. Но высокотехнологичные профессии, сулящие более высокий заработок, одобряются многодетными мамами и папами: более половины из них (55,0 %) были бы согласны с выбором своим сыном, дочерью одной из таких профессий. В семьях с одним–двумя детьми доля таких ответов заметно ниже (34,3 %).

О себе и своём выборе профессии в далёком уже прошлом родители сообщают следующее. И в той, и в другой подгруппах избранная специальность была интересна, ранг этого ответа наиболее высокий (56,3 % для многодетных, 61,0 % для малодетных). На втором месте оказались материальные соображения для многодетных пап и мам (23,6 %) и соответствие профессии возможностям личности для малодетных (22,2 %). Вторая и третья позиции зеркально поменялись. На третьем месте «соответствие профессии способностям» отмечено в группе многодетных (20,0 %), «материальные соображения» — для малодетных (15,5 %). Как видно, спустя годы, когда семья обросла детьми, родители оценивают профессиональный выбор с учётом материального фактора, который в юные годы вполне мог быть не самым важным.

На принятие решения о будущей профессии на родителей повлияли окружающие (почти каждый пятый в обеих подгруппах сообщил о наличии конкретного человека), книги и кино-телефильмы (30,5 % в многодетных и 21,3 % в малодетных семьях). Часть взрослых при выборе профессии ориентировалась на ситуацию, не апеллируя к конкретному образу профессионала. В частности, отсутствовал идеал личности в профессии у 36,1 % семей с несколькими детьми и почти

в половине семей с одним–двумя детьми (45,0 %). Иначе говоря, социальные связи не довлеют над семьями в выборе профессии молодыми поколениями, что означает мобильность как взрослых, так и детей при выборе конкретной специальности.

Ответы показали, что многодетные родители, не всегда умеющие договориться с детьми по возможным траекториям их будущего профессионального развития, тем не менее, уверяют в том, что владеют информацией о рабочих профессиях, приобретаемых на базе среднего профессионального образования. Более половины (51,8 %) из опрошенных могут рассказать ребёнку о многих профессиях, 35,8 % знают о них понаслышке, не знают 12,2 %. В то же время малодетные мамы и папы в специальностях, получаемых на базе СПО, ориентируются в меньшей степени (39,0 %), а если и ориентируются, то «очень приблизительно» (45,0 %).

То же касается и профессий, получаемых на базе высшего образования. Могут назвать профессии, приобретаемые на базе высшего профессионального образования, 55,0 % многодетных мам и пап и только 35,5 % родителей с одним–двумя детьми. Более или менее свободны в суждениях по этому вопросу 37,8 % многодетных родителей и 49,0 % малодетных. Иначе говоря, фактически половина опрошенных не в состоянии свободно обсуждать со своими детьми преимущества и недостатки той или иной профессии.

Если же ребёнок профессию уже выбрал, помочь ему достичь карьерного успеха могут далеко не все родители. Так, менее трети опрошенных уверены в себе больше, более половины меньше, не уверены вообще около 8 % опрошенных. Следовательно, карьерные достижения подростков в будущем могут состояться только благодаря их собственным усилиям.

Чуть легче с освоением «некоторых трудовых навыков». Здесь снова многодетные родители уверены в себе больше (47,4 %), а малодетные меньше (31,1 %). В определённой мере готовы приложить усилия в данном направлении чуть более половины тех (50,6 %) и других (53,6 %) родителей. В данном вопросе очевидной становится необходимость трудового воспитания в семье как со стороны так называемых «женских» направлений деятельности, так и «мужских».

В обеих подгруппах примерно равное число (14,3 % и 13,8 % соответственно) не знают о том, каковы экономические условия труда по избираемой ребёнком рабочей профессии. Приблизительно ориенти-

ругаются в вопросе лишь около половины родителей (50,1 % из числа многодетных и 46,5 % из группы малодетных). «Похвастаться» осведомлённостью могут только около трети опрошенных (33,6 % многодетных и 30,8 % малодетных).

Верят в своих детей, их способности чаще многодетные мамы и папы — их доля в данной группе ответов более чем в два раза выше (42,1 % против 17,5 %). Здесь и те, и другие надеются на школу, полагают, что школа может дать необходимые их детям первоначальные профессиональные навыки. Подобная мера доверия — факт положительный, он должен быть основой для профориентационной работы администрации школ и всех вышестоящих уровней руководства образованием.

И те и другие родители не настраивают своих детей на формальное освоение основ наук в стенах школы, ждут от них качественных знаний. Учиться ради «диплома» нет смысла, считают респонденты. Треть опрошенных в обеих подгруппах надеются на то, что полученное образование станет профессиональной стезёй для их детей на дальнейшую жизнь, а две трети полагают, что профессиональная траектория может преподнести сюрпризы и понадобится переучиваться.

Явное различие возникает в ответах на вопрос о том, нужен ли ребёнку опыт подработки на школьной скамье. Многодетные родители настаивают на его пользе для развития личности сына, дочери в полтора раза чаще, чем малодетные, что говорит о более прагматичном подходе к обучению учащихся школы. В то же время учитываются позиции самого ребёнка, таков ответ отцов и матерей. И снова доли ответов различаются: 23,6 % — позиция многодетных семей, 46,6 % — малодетных. Последнее свидетельствует о большей опеке над детьми в подобных семейных структурах, их оберегании от перегрузок. Тогда, когда многодетные родители возлагают надежды на наиболее полное и раннее вовлечение детей в процесс овладения трудовыми навыками и профессиональными компетенциями, малодетные остаются заботливыми мамами и папами, затягивающими детство своего единственного ребёнка, опекающего его в школе и за её пределами.

Фактически не отмечаются существенные различия в ответах в отношении высокотехнологичных профессий в оценке их пользы для детей между много- и малодетными родителями. И те, и другие фиксируют: их дети интересуются информацией из соответствующих профессиональных областей (соответственно 41,8 % и 35,8 %). Эпи-

зодический, неустойчивый интерес к каким-то областям деятельности встречается в 42,7 % случаев в той и в другой группе. Совпадают и доли ответов по поводу отсутствия интереса к данным сферам производственной деятельности, и они относительно невелики (13,4 % и 11,3 % соответственно). Но есть различия в ответах между много- и малолетними родителями относительно способностей детей к определенной деятельности. Если многодетные усматривают «ярко выраженные способности и хобби» в 56,1 % случаев, то малолетние — гораздо реже (28,8 %). Экспериментирование с профессиями, трудовыми навыками разного рода, в свою очередь, отмечают почти вдвое чаще малолетние родители (62,2 % против 33,6 %). Про отсутствие особых способностей и интересов сыновей и дочерей сообщают почти в четыре раза чаще многодетные родители (8,2 % против 2,2 %).

Анализ предпочтений родителей относительно учебных дисциплин, которые необходимы для детей в подготовке к сдаче Единого госэкзамена и поступлению в техникум, университет, показывает: и много-, и малолетние мамы и папы надеются на достаточное число часов дополнительного образования по таким предметам, как, прежде всего, математика, физика, химия и информатика; далее следуют русский язык, английский язык, история и обществознание. Отдельные ответы — литература, изобразительное искусство, черчение, музыка, физическая культура, география, экономика.

Говоря о том, какие основные черты характера, темперамента встречаются у их детей, родители называют волевые особенности личности (упорство, активность, усидчивость, целеустремленность, настойчивость, стрессоустойчивость, коммуникативность, усидчивость, спокойствие, пунктуальность, активность, уравновешенность, медлительность, ответственность, требовательность, обязательность), а также и нравственные и интеллектуальные качества — подростковый максимализм, внимательность, заинтересованность, любознательность, обучаемость, точность, упрямство, любовь к детям, трудолюбие, покладистость, исполнительность, терпеливость, вспыльчивость, правдивость, ловкость, общительность, эмпатию, неконфликтность, доброту, честность, домовитость.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

Малолетние родители готовы приложить усилия к профориентационной деятельности в отношении своих детей в период их обучения в средней школе чаще, чем многодетные, обсуждают эти вопросы

внутри семьи. Многодетные настроены скорее на обсуждение будущей занятости с ребёнком, чем на активную работу по его вовлечению в трудовые операции того или иного характера.

Многодетные родители в большей части своей заняты обучением детей домашнему труду. Их интерес к профессиям в целом и к выбору детьми профессионального будущего неустойчив, ввиду чего между старшими и младшими в многодетных семьях нет консенсуса по вопросу выбора школьниками своей профессии.

Малодетные родители чаще осведомлены о профессиональных интересах детей, чем многодетные. Зато в многодетных семьях дети реже задумываются над будущей профессией, чем в малодетных, ввиду того, что их жизнедеятельность более активная и интенсивная по сравнению с малодетными семьями. Отсюда большая чёткость в профессиональных планах детей — выпускников 9 и 11 классов из малодетных семей, чем из многодетных.

Многодетные родители гораздо чаще, чем малодетные, приветствуют высокотехнологичные профессии, сулящие более высокий заработок.

Обе категории родителей обращают внимание на привлекательность избираемой профессии, материальный фактор и соответствие профессии возможностям личности.

При выборе профессии молодыми поколениями в части семей существует идеал для подражания, но в целом родители и дети ориентируются на конкретную ситуацию, мобильны в выборе конкретной специальности.

Далеко не все родители из обеих подгрупп владеют информацией о рабочих профессиях, приобретаемых на базе среднего профессионального и высшего образования, а потому профориентационная работа должна вестись с семьёй — родителями и детьми отдельно.

Современные родители не готовы поддерживать своих детей в их профессиональной карьере. Следовательно, в личности учащегося нужно воспитывать самостоятельность и инициативность во всех сферах её жизнедеятельности.

Многодетные родители более серьёзно настроены на формирование в своих детях трудовых навыков, чем малодетные, коих в школах подавляющее большинство. В связи с этим задачей дня становится активизация трудового воспитания в образовательных организациях как в гендерно различных, так и в общих видах деятельности.

Многодетной семье более свойственно доверять детям, чем малодетной, где ребёнок долгое время остаётся несамостоятельным, ведомым. Эти семьи должны стать опорой школе в трудовом воспитании детей. На многодетных родителей можно опереться в рамках учебного заведения в распространении их опыта привлечения мальчиков и девочек к труду по самообслуживанию и в домашнем хозяйстве.

Современные рабочие профессии, популярные на рынке труда, привлекают обе категории семей, что облегчает профориентационную работу в этом направлении.

Обе категории семей ждут от школы целесообразного распределения часов на освоение базовых школьных дисциплин, необходимых для поступления в вуз. Среди них — математика, физика, химия и информатика; русский язык, английский язык, история и обществознание; литература, изобразительное искусство, черчение, музыка, физическая культура, география, экономика. Очевидно, что учебное заведение должно время от времени проводить опросы родителей и детей по поводу того, удовлетворены ли они качеством обучения и какой помощи ждут от педагогов и администрации.

Свойства нервной системы и черты характера либо помогают, либо препятствуют в овладении учащимися тех или иных профессий. Родителям и педагогам следует анализировать данные особенности личности и формировать недостающие черты для успешного овладения в будущем теми или иными профессиями.

Более цельными и системными представляются усилия многодетных семей по подготовке детей к настоящей и завтрашней семейной и будущей производственной деятельности, чем малодетных, несмотря на то, что у малодетных родителей больше средств, времени и физических сил на подготовку подростков и юношей к самостоятельной жизни после окончания школы.

Литература

Белл Д. Информационное общество и постиндустриализм // Уэбстер Ф. Теории информационного общества / пер. с англ.; под ред. Е. Л. Вартановой. М.: Аспект Пресс, 2004. 400 с.

Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.: Изд-во «Весь Мир», 2004. 120 с.

Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [электронный ресурс] // URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 03.05.2018).

С. В. Афанасов
(социальный педагог высшей категории,
ГКУСО «Изобильненский социально-реабилитационный центр
для несовершеннолетних»)

**Подготовка туристско-краеведческих походов с детьми,
находящимися в трудной жизненной ситуации**
DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-90-97

Функционирующие в стране туристические фирмы рассчитаны на небедных клиентов, тем самым, в итоге, небогатая молодежь лишилась массовых туров по стране, посещения российских музеев, памятников природы, истории и культуры. Объекты размещения, особенно турбазы и гостиницы, требуют немалых финансовых затрат, стационарные (в том числе пионерские) летние и зимние лагеря частью заброшены, частью перепрофилированы, частью проданы частным лицам или обветшали и готовятся к продаже частным предпринимателям. Многие гостиницы, некогда востребованные, утратив денежные поступления из бюджетов, пришли в негодность, общедоступные точки питания переполнены. Таким образом, социальный туризм на государственном уровне «приказал долго жить», это ударило по миллионам людей. Базовое конституционное положение о том, что Российская Федерация — социальное государство (ст. 7), слабо реализовано, если рассматривать права граждан, гарантированно относящиеся к сфере туризма.

Предлагаемый нами познавательный туризм может улучшить психоэмоциональное состояние подрастающего поколения, особенно тех, кто нуждается в социальных услугах; способствовать повышению их культурного уровня, их релаксации и рекреации, оздоровлению; косвенным образом повлиять на укрепление семьи, общительности, повышение собственной самооценки. Он повлияет положительно на душевное состояние человека, станет ареной самореализации. Дети из асоциальных семей, проживая дома, мало путешествуют, не ходят в театры и музеи, поэтому их жизнь бедна впечатлениями, наступает скука, которая часто и является основной причиной ссор со сверстниками, ведь однообразие убивает душу, которую надо разнообразить, оживить и обогатить. Во время походов и экскурсий необходимо организовать интересный досуг, полный ярких впечатлений, мастер-клас-

сы, приготовление пищи на костре; дети развивают свой внутренний мир, стараются разнообразить разговоры, не ограничиваются бытовыми проблемами, стремятся организовать общий интересный досуг, меньше общаются с гаджетами и телевизором. Доктрина социального государства с момента своего возникновения в качестве основной идеи выдвигала приверженность интересам и правам личности. Социальная защищенность, благополучие и создание условий для развития человека признаются важнейшими задачами государства. Оно — по отношению к своим гражданам — выступает как субъект социальной защиты. Последняя редакция ст. 7 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция, ст. 7].

Итак, нами предлагается недорогой, интересный «оздоровитель» тела и души — познавательный туризм, который апробирован и нормально работает на протяжении ряда лет в Государственном казенном учреждении социального обслуживания «Изобильненский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних».

Цель мероприятий: внедрение новых социальных технологий в оздоровление, социализацию и реабилитацию детей и молодежи, воспитывающихся в социально-опасных семьях, малоимущих, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в социальных услугах; развитие и активизация сельского туризма в спокойной, малоизученной местности; пропаганда здорового образа жизни.

Ожидаемые результаты: снижение уровня тревожности и агрессивности; формирование адекватной самооценки; повышение ответственности подростков за собственные поступки; приобретение навыков приготовления пищи и выживания в автономных условиях; стремление помочь ближнему, воспитание коллективизма, формирование в себе личности; развитие способности контроля своего поведения; реабилитация молодежи, попавшей в трудную жизненную ситуацию, малоимущих, воспитывающихся в социально-опасных семьях, нуждающихся в социальных услугах; формирование позитивных жизненных целей и повышение мотивации и способности к их достижению.

Организация и проведение туристско-краеведческого похода — важное и очень ответственное дело, а залог успеха — это тщательная его подготовка. В походе не может быть мелочей, ведь каждое движение связано с жизнью и здоровьем детей, поэтому подготовительный

период начинается задолго до начала похода и по кругу затронутых проблем он более емкий. В процессе подготовки похода приходится решать много проблем и задач, и чем больше их решено, тем спокойнее, интереснее и безопаснее пройдет сам поход.

На основании Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2013 г. №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (п. 5) предусматривается обязанность законных представителей получателя социальных услуг предоставить перечень документов, необходимых для предоставления социальной услуги. Участники похода, их родители (законные представители) или педагоги должны собрать пакет документов:

- письменные заявления от родителей (законных представителей) несовершеннолетних, по установленным формам, два экземпляра;
- акт обследования материально-бытовых условий проживания несовершеннолетних и семьи, заверенный главами поселковых администраций и подтверждающий нуждаемость в социальном обслуживании;
- медицинская справка №079\У о допуске к пешему походу;
- справка о составе семьи;
- справка о доходах всех членов семьи (если родители не работают — справка об отсутствии работы);
- копии документов, удостоверяющих личность несовершеннолетних;
- копия медицинского полиса;
- СНИЛС родителей и детей;
- договор о предоставлении социальных услуг;
- акт сдачи-приемки оказанных безвозмездных услуг (подписывается сразу после оказания услуги, по возвращении из туристического похода).

Учреждение, организующее туристический поход, должно строго подходить к сбору необходимой документации, в связи с тем, что оно несет финансовые и материальные затраты на организацию и проведение похода. Пакет документов необходим и для того, чтобы в мероприятиях приняли участие именно нуждающиеся в оздоровлении дети и молодежь, те, кто в обыденной жизни не может получить подобное оздоровление. Указанный пакет документов должен быть предоставлен за несколько дней до мероприятия, можно предоставить документы

по электронной почте. Это связано с тем, что учреждение готовит еще один пакет документов на участников похода (приказы, положения о походе, списки, ведомости, заполняется журнал по технике безопасности) отправляются запросы по организациям, где будет осуществляться ночевка, да и человеческий фактор имеет значение, в любое время потенциальный участник может отказаться от участия в походе по каким-то причинам. Организаторы похода должны предусмотреть эту ситуацию и иметь «дублеров». Специалисты учреждения внимательно изучают документы, проводят отбор, при необходимости проводят встречи с родителями (лицами, их замещающими), проводят беседы на темы переносимости многокилометровых походов, возможности аллергии на пыль, продукты, растения, выясняют состояние здоровья, так как бывает, что дети просятся в туристический поход с незначительными отклонениями в состоянии здоровья, что недопустимо.

Учреждение (организация), организующая туристический поход, или родители, на случай травм и чрезвычайных ситуаций, в обязательном порядке страхуют детей на время похода.

Походы для детей, нуждающихся в социальных услугах, должны быть не стихийными, а тщательно подготовленными, в связи с тем, что дети не тренированы и не подготовлены на кружковых занятиях, работу надо спланировать так, чтобы дети получили массу положительных эмоций и впечатлений. Важным моментом является следующий факт: чтобы достичь желаемой цели и задач по реабилитации детей и социализации личности, необходимо оказывать такую социальную услугу малообеспеченной части населения, как туристический поход, неоднократно одной и той же группе детей и молодежи, а не гнаться за количеством оказанных услуг большему количеству нуждающихся. Это связано с тем, что в первый день похода некоторые дети «зажаты» и при преодолении трудностей пути в полной мере не могут полностью раскрыть свои способности и привыкнуть к новому коллективу. Во второй день дети начинают более открыто общаться, но особо не проявляют активности. В третий день дети ведут себя активно и естественно. Только в систематических походах дети быстро учатся сближаться друг с другом, принимать правильные решения, жить в коллективе, уважать окружающих и принимать адекватные решения. Педагог-психолог и руководители похода должны в каждом походе проводить психологические тренинги и психологическую корректировку с детьми, а этого в одном походе не достичь, поэтому клиенты-участни-

ки туристического похода в течение нескольких лет периодически и по плану встречаются с психологом и социальными педагогами, а после походов теоретические результаты работы дают положительную динамику в развитии личности.

По опыту организации и проведения туристических походов: в группе должно быть от десяти до пятнадцати подростков с двумя–тремя руководителями, причем один из них должен быть психологом. Большее количество детей брать в туристический поход не стоит, учитывая контингент туристов. Кроме указанного перечня туристического снаряжения, рекомендуется каждому участнику пешего туристического похода взять следующее личное снаряжение: куртки теплые со светоотражателями, кроссовки, дополнительную спортивную обувь, туалетные принадлежности, головные уборы, блокнот для записей, пишущие принадлежности, фотоаппарат (по желанию). Личные вещи должны иметь небольшой объем и вес, отличаться влагонепроницаемостью, прочностью и удобством для ношения, лучше, если вещи разношены, их не жалко испачкать — если они порвутся, дети не так переживают этот небольшой казус. Нельзя брать в поход вещи из синтетики, особенно белье, вещи из синтетики не поглощают пот и не греют.

Обувь должна быть по сезону, хорошо подогнана по ноге, обеспечивать сохранность и теплоту ног, быть удобной, плотно сидеть на ноге и не жать стопу. Тесная обувь может стать причиной потертостей и травм. Необходимо иметь легкие кроссовки или ботинки на низком каблуке или на плоской подошве. Надо взять несколько пар носков, они должны быть мягкими, теплыми и хорошо облегать ногу, не образуя складок. Кроме того, что дети имеют на одежде светоотражающие элементы, руководитель прикрепляет дополнительно на их головные уборы светоотражатели. Если есть возможность, желательно всем участникам похода выдать одинаковые головные уборы и галстуки, это дисциплинирует подростков, они с большим удовольствием надевают и носят такие особые галстуки и головные уборы. Для руководителей это удобно: если подростки смешались с толпой, отошли на определенное расстояние, их легко найти и контролировать их передвижения.

Набор походной аптечки должен иметь все необходимые препараты для оказания первой доврачебной и медицинской помощи, для этого руководители похода должны уметь оказывать первую доврачебную или медицинскую помощь, если есть возможность, то в поход направить медсестру учреждения. Для удобства лучше всего иметь в

походе санитарную сумку с крестом. В сумке должно быть несколько отделов, это позволяет правильно хранить и переносить необходимое вложение. В санитарной сумке должны быть следующие вложения: гигроскопическая вата, пакет перевязочный, стерильный бинт, бинт нестерильный, жгут кровоостанавливающий, настойка бриллиантовой зелени, йод, шина Крамера, эластичный бинт, косынка фиксирующая, уголь активированный, перекись водорода, мерный стакан, лекарства от диареи и обезболивающие, предназначенные для детей, лекарства от аллергии. Сумку санитарную может нести ответственный из детей, называемый санитаром, но открывать ее и применять препараты — только по разрешению руководителя похода. Если случилась непредвиденная ситуация или травма кого-то из членов туристско-краеведческого похода, необходимо немедленно вызвать дежурный транспорт учреждения и сообщить об этом руководителю учреждения. В каждом туристическом походе, при нахождении в автономном пребывании, вдалеке от дома, возможны различные непредвиденные ситуации, которые педагоги должны предусмотреть и быстро, без суеты и растерянности решить их, не травмируя психику детей. Пошагово руководители должны проследить весь путь туристического похода. Для большей уверенности в своих силах при действиях в нестандартной обстановке педагогам-руководителям походов необходимо изучить «Энциклопедию выживания в природных условиях» или курс «Основ безопасности жизнедеятельности».

Организация туристических походов и экскурсий — процесс долгий, но малозатратный, в результате правильно организованной работы есть возможность создания новых рабочих мест, организации занятости детей и молодежи в свободное время, кроме всего, в бюджеты поселений будут поступать дополнительные финансовые средства.

В наше время актуально говорить о проблеме занятости детей в каникулярное время, в праздничные и выходные дни, а также в любые дни любого месяца, поэтому мы предлагаем одну из инновационных форм — пеший туристско-краеведческий поход на длинные дистанции. Отрыв от цивилизации и пребывание в естественных (природных) условиях положительно влияют на такие качества молодёжи, как повышение самооценки, инициативы, ответственности, снижение уровня тревожности. У молодёжи повышается практический уровень знаний и навыков, что способствует адекватной оценке возможностей, более открытому поведению и восприятию окружающего мира. Молодой

человек, научившийся жить в коллективе, уважать труд людей, сам к чему-то стремится, именно тогда он будет любить свою страну, будет всесторонне развитой личностью.

Походы сближают детей, ими оказываются взаимопомощь, взаимовыручка, происходит сплочение коллектива, особенно это сказывается, когда в походах дети делятся на группы и организован соревновательный «дух» между группами. Можно каждой группе дать название: «Зайчики», «Пуговики» и другие; здесь происходит становление личности в быту и жизни. Группы готовят обеды и ужины, как бы соревнуясь между командами, кто лучше приготовит, уберет за собой, какая команда дружнее. В вечернее время, сидя у очага, ими подводятся итоги дня: дети под присмотром руководителей корректируют свои ошибки и промахи, анализируют правильно выбранные решения.

Учитывая контингент участников пешего туристско-краеведческого похода, каждого участника по завершении похода должны встретить родители (лица, их замещающие). Каждый участник похода должен сдать в полной сохранности и исправным принадлежащее организаторам туристического похода имущество, которое было выдано перед походом. По окончании туристического похода каждый участник может написать краткий отчет (или сочинение) о походе и сдать его руководителю, по желанию, участники могут сделать запись в книге отзывов и предложений.

Полное завершение туристско-краеведческого похода оканчивается общим подведением итогов. Руководитель учреждения встречает детей, справляется о состоянии здоровья и награждает отличившихся грамотами, благодарностями или призами.

В каждом районе есть детско-юношеские спортивные школы, центры внешкольной работы, молодежные центры в поселениях при муниципальных образованиях, есть специалисты по делам молодежи, в средних общеобразовательных школах есть вожатые, организаторы внешкольной работы, в отделах образования есть ответственные и методисты по спорту и туризму, а на практике пешеходный туризм оставляет желать лучшего. Поэтому нами предлагается: в каждом муниципальном образовании разработать маршрутные листы, муниципальные туристические тропы различного характера: экологического, природного, хозяйственного, лекарственного назначения, а также связанные с изучением культуры, в том числе народного творчества, сакральных объектов и др. На уровне районов и субъекта федерации

необходимо объединить эти маршруты, таким образом можно представить на рынок туристической индустрии интересные маршруты, а общеобразовательным школам и внешкольным учреждениям использовать их в повседневной работе.

Литература

Афанасов С.В. Наука. Творчество. Молодежь: сборник учебно-методических и научно-исследовательских работ, проектов. Ставрополь: изд-во СКФУ 2015. С. 9–40.

Афанасов С. В. Организация туристско-краеведческих походов с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации // Новые социальные реальности: мат-лы Междунар. науч. –практ. Конф. (V Северо-Кавказские социологические чтения, 16 ноября 2016 г., г. Ставрополь, СКФУ). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. С. 81–85.

Конституция Российской Федерации. Статья 7 (последняя редакция с комментариями на 2017 год).

Федеральный закон Российской Федерации «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013. №442-ФЗ. (Одобен Советом Федерации 25.12.2013 г.)

И. В. Борисов
(канд. социол. наук,
преподаватель, КалмРИПКРО)

**Дистанционное обучение в образовательном пространстве вуза:
региональный аспект**

DOI 10.22162/2587-6503-2018-2-6-98-107

Современные вузы осознают необходимость развития дистанционного образования на рынке образовательных услуг с целью усиления своих конкурентных возможностей. Дистанционная образовательная среда в России становится достаточно востребованной, поскольку дистанционное образование выступает мощным интеграционным каналом между российским образованием и мировым образовательным пространством. Рост компьютеризации потребителей образовательных услуг приведет к дальнейшему развитию и внедрению дистанционного обучения в образование. Достаточно привести данные, опубликованные в Российском статистическом ежегоднике за 2016 г. Так, в 2015 г. в российских вузах насчитывалось 712,4 тыс. персональных компьютеров, из которых 639,3 тыс. имели выход в Интернет. Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, составляло 273 шт. в расчете на 1 000 студентов. Число персональных компьютеров, используемых в учебных целях, имевших доступ к сети Интернет, 245 шт. в расчете на 1 000 студентов. Причем эти показатели имеют тенденцию к ежегодному повышению. Также 96,9 % вузов используют в качестве информационных технологий персональные компьютеры, 72,4 % вузов имеют собственные серверы (этот показатель возрос по сравнению с 2014 г. на 25 %), 84,2 % — локальные вычислительные сети. Всего в 2015–2016 учебном году общее число студентов вузов составляло 4 766,5 тыс. [Российский статистический ежегодник 2016].

Информационные и коммуникационные технологии следует рассматривать и как образовательную дисциплину, и как педагогические инструменты в развитии новых образовательных услуг. Информационное пространство — это не только среда существования и распространения информации, но и средство осуществления коммуникации и обмена взглядами. Создание информационной образовательной среды позволит преодолеть разрыв между наработанными инноваци-

онными методиками обучения и невозможностью их массового распространения в силу отсутствия такой среды в системе высшего образования, а также быстрое и широкое распространение передовых технологий среди преподавателей и студентов [Борисов 2010].

В России под информационной образовательной средой понимается «системно-организованная совокупность средств передачи данных, информационных ресурсов, протоколов взаимодействия, аппаратно-программного и организационно-методического обеспечения, ориентированная на удовлетворение образовательных потребностей пользователей». Реализация возможностей взаимодействия в современной информационной образовательной среде создает обучающему условия для самостоятельной разработки учебной тематики, в соответствии со своей индивидуальной программой, условия выбора тех или иных образовательных программ [Борисов 2008].

От развития дистанционного образования в нашей стране зависит и возможность экспортировать российское образование в целом в зарубежные страны, среди которых не только страны бывшего Советского Союза, но и государства дальнего зарубежья. По данным официальной государственной статистики в 2015–2016 учебном году в России обучалось 242,5 тыс. иностранных студентов (к примеру, в 2010–2011 учебном году в российских вузах обучалось всего 153,8 тыс. иностранцев). Наиболее популярным российское высшее образование традиционно является в странах СНГ — 188,1 тыс. студентов (из Казахстана — 46,4 тыс., Беларуси — 8,3 тыс., Туркмении — 13,4 тыс., Узбекистана — 14 тыс., Азербайджана — 9,6 тыс. студентов), странах Азии (из Китая — 12 тыс. студентов, Индии — 5,3 тыс. студентов, Вьетнама — 3,1 тыс. студентов), а также странах Африки (10,6 тыс. студентов).

Итак, приступив к изучению образовательных практик в контексте самообразования, очертим круг познавательных интересов, которые направляют познавательную активность студентов и ведут к самостоятельному приобретению и пополнению новых знаний, умений, навыков.

Данные, полученные в результате анкетного опроса, позволяют сделать вывод о том, что познавательные интересы студентов больше относятся к культуре, искусству (54,5 %), к творчеству (37,3 %), к знаниям в получаемой профессии (23,9 %), вопросам жизни общества (25,4 %). Меньше молодежь интересуется политикой, государствен-

ными проблемами (17,7 %), религией, философией (15,3 %), новыми компьютерным разработкам (13,9 %).

Социологические исследования дистанционного обучения необходимы как в силу недостаточной изученности его современного состояния, так и в связи тем, что это позволяет определить уровень развития дистанционного образования в целом в России. Социологический подход позволит также в дальнейшем предложить образовательную модель, которая поможет российским вузам достойно конкурировать на рынке образовательных услуг.

В течение 2015 г. автором статьи методом контент-анализа отслеживались сайты 4-х вузов Юга России, в которых реализуются программы дистанционного обучения: Адыгейского государственного университета, Калмыцкого государственного университета, Кубанского государственного университета и Майкопского государственного технологического университета.

Количественными характеристиками контент-анализа явились: количество страниц на сайтах вузов, содержащих словосочетания «дистанционное образование», «дистанционное обучение», «программы дистанционного обучения»; количество запросов в поисковых системах, содержащих эти словосочетания и название вузов (краткое или полное). Качественными характеристиками выступили следующие параметры: опыт работы вузов в сфере дистанционного обучения студентов, используемые модели, технологии и программные комплексы ДО, основные направления программ ДО, стоимость ДО, наличие специального структурного подразделения, занимающегося дополнительным образованием.

Выбор контент-анализа в качестве инструментария социологического исследования обусловлен следующими факторами:

- использование метода контент-анализа дает возможность получить формализованные и систематизированные результаты из официальных источников (к которым, в первую очередь, относятся веб-сайты вузов);

- контент-анализ предполагает сбор не только качественных, но и количественных данных о рассматриваемом предмете, что повышает точность получаемых результатов исследования;

- метод контент-анализа позволяет определить текущий уровень внедрения технологий дистанционного обучения студентов в отече-

ственной высшей школе, а также выявить заинтересованность вузов в использовании и развитии технологий дистанционного обучения.

Количественные характеристики, по которым проводился контент-анализ веб-сайтов вузов, позволили показать их заинтересованность в применении и развитии технологий дистанционного обучения студентов. Достоверность исследования дистанционного обучения методом контент-анализа с помощью поисковых запросов пользователей сети Интернет можно подтвердить следующими факторами:

1) согласно данным Фонда «Общественное мнение», которые были приведены нами выше, количество совершеннолетних интернет-пользователей в России составляет 66,1 млн человек (более 50 % всего совершеннолетнего населения страны), а более 52,2 млн россиян пользуются Интернетом ежедневно [Интернет в России]. Следовательно, значительное количество людей в России используют глобальную сеть в качестве коммуникационного и информативного средства, т. е. данная электронная среда может с достоверностью применяться в социологическом исследовании;

2) согласно данным компании «Яндекс», в России насчитывается 66,5 млн человек старше 18 лет, которые хотя бы раз в месяц выходят в Интернет — это более 57 % всего совершеннолетнего населения страны. Четыре пятых из них, более 53 млн человек, пользуются интернетом ежедневно [Развитие Интернета]. Степень проникновения Интернета в различных регионах России также увеличивается ежегодно (этот показатель выглядит как отношение месячной аудитории пользователей сети к общему количеству жителей в регионе). Более трети новых пользователей интернета — это жители сельской местности. В 2013 г. их стало на 18 % больше, чем в предыдущем году, а это примерно 2 млн человек. Это самый высокий показатель роста среди всех типов населенных пунктов как в абсолютных, так и в относительных цифрах [Развитие Интернета]. Эти данные также дают объективную картину о достаточном внедрении «всемирной паутины» в Россию, что, в свою очередь, потенциально увеличивает число студентов, которые пожелают получить дистанционное образование.

Проанализировав интернет-сайты четырех вузов — Адыгейского государственного, Калмыцкого государственного, Кубанского государственного университета и Майкопского государственного технологического университетов, мы увидели следующую картину. По количественным характеристикам можно выделить КубГУ, на базе

которого функционирует Институт переподготовки и повышения квалификации [Бакалавр. Магистр]: 20 дистанционных программ профподготовки и 4 дистанционные программы повышения квалификации. Применение дистанционных интернет-технологий достаточно востребовано, о чем свидетельствует частота обращений в Каталог дистанционных программ КубГУ. В среднем она составляет 13 000 в течение 24 часов.

При анализе официального сайта АГУ можно сказать, что интерес к дистанционным программам обучения в вузе также высок, поскольку частота запросов по поиску «дистанционное обучение» может быть обозначена, как прирост + 12 в течение 7 дней. Что касается страниц сайта вуза, то особенно следует выделить наличие двух: «Система ДО Адыгейского государственного университета» и «Республиканская естественно-математическая школа при АГУ» [Центр дистанционного обучения]. Последняя посещается достаточно регулярно, поскольку на этой странице предлагается много дистанционных обучающих практик: 11 610 просмотров за месяц и 97 просмотров за день в среднем. Что касается системы дистанционного обучения АГУ, то там содержится информация о возможностях ДО, организованного на платформе Moodle, которая используется преподавателями и студентами университета в течение нескольких лет. Посещаемость страницы составляет более 15 тысяч просмотров за год и 530 просмотров в день в среднем. Специального структурного подразделения в университете нет, вопросами ДО занимается учебно-методическое управление университета.

В структуре Калмыцкого государственного университета также создана система дистанционного обучения, предлагающая 8 дистанционных программ для студентов-заочников. Посещаемость сайта КалмГУ СДО: около 14 000 просмотров за год и около 500 просмотров за день в среднем [КалмГУ СДО «Лотос»].

На сайте Майкопского государственного технологического университета отдельная информация о дистанционном обучении отсутствует. Единица «дистанционное обучение» встречается в контексте общей справки о вузе и в анонсах о проведении конференций. Также нет ссылки на специальное структурное подразделение вуза, которое должно заниматься этой сферой образования. По-видимому, эти функции делегированы учебным управлениям вузов.

Несмотря на это, опрос среди преподавателей и студентов вузов дает возможность увидеть следующее:

- во-первых, существует достаточно высокая осведомленность молодежи о программах дистанционного обучения в российских вузах;
- во-вторых, наряду с осведомленностью, присутствует и достаточно высокая востребованность программ дистанционного обучения на уровне высшего образования;
- в-третьих, основные программы дистанционного обучения связаны с социально-гуманитарным профилем, при этом математические, физические и технические программы ДО практически не предлагаются вузами, хотя запрос на такие программы существует;
- в-четвертых, дистанционное образование реализуется в основном на уровне подготовки бакалавров, тогда как получить дистанционное образование на уровне подготовки магистров можно только в одном вузе из анализируемых;
- в-пятых, не всегда успешно реализуется коммуникация между обучающимися и преподавателями, между обучающимися и тьюторами, что говорит об отсутствии современных образовательных программных платформ.

Для сравнения приведем данные, полученные исследователем А. Л. Абрамовским, проанализировавшим в 2014 г. десятку наиболее «спрашиваемых» вузов по запросам «дистанционное обучение» и «дистанционное образование». Эти данные представлены в табл. 1 [Абрамовский 2014].

Таблица 1. Наиболее известные пользователям сети Интернет вузы по поисковым запросам «дистанционное обучение», «дистанционное образование»

| «Дистанционное обучение» | «Дистанционное образование» |
|--------------------------|-----------------------------|
| ТУСУР | МГУ им. М. В. Ломоносова |
| РГУ | РГУ |
| МГУ им. М.В. Ломоносова | ТПУ |
| НИ ТГУ | УФУ |
| МЭСИ | МЭСИ |
| МГТУ им. Н.Э.Баумана | ЮФУ |
| НГТУ | НИ ТГУ |
| ДФУ | ТУСУР |
| МЭИ | МГИМО |
| ФУ при Правительстве РФ | РУДН |

Дистанционные образовательные технологии неравномерно внедряются в различных вузах. В некоторых университетах они находятся в тестовом режиме и функционально не применяются, это значительно снижает их конкурентные возможности, поскольку они не могут предложить студентам дополнительные образовательные ресурсы. Другие же вузы давно и активно применяют в своей работе новые информационные технологии, вкладывая большие финансовые ресурсы в развитие данной сферы (к примеру, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики (МЭСИ) ежегодно инвестирует в развитие системы дистанционного образования около 10 млн долларов [Зубакова 2010: 57]). Следовательно, вузы, позитивно воспринявшие данный инновационный подход и осознавшие стратегическую важность их внедрения с целью повышения конкурентоспособности на рынке образовательных услуг, добились больших успехов в развитии практики дистанционного обучения.

Большинство российских университетов при помощи технологий ДО модернизируют очное и заочное обучение. К примеру, МГУ им. М. В. Ломоносова целенаправленно использует дистанционные технологии для укрепления именно очного обучения, что делает обучающий процесс эффективным и удобным для студенческой аудитории.

К примеру, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова организовал несколько центров, представленных межвузовской площадкой по ДО, Центром новых информационных технологий и Центром ДО Научного парка МГУ, в которых реализуются и развиваются программы электронного и дистанционного обучения. По инициативе этого ведущего российского вуза был создан Центр развития электронных образовательных ресурсов, деятельность которого направлена на разработку площадок по реализации и развитию программ непрерывного дистанционного обучения.

Российский университет дружбы народов давно является вузом, активно использующим технологии дистанционного обучения. В университете предлагается пройти обучение по более чем 1 500 программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки по разным направлениям: по туризму, медицине и здравоохранению, менеджменту, экономике, юриспруденции, бизнес-образованию, информационным технологиям и др.; продолжительность таких дистанционных курсов — 72–1 000 часов, по выбору слушателей. Существен-

но повышает спрос на дистанционные программы в РУДН возможность освоения материала на иностранных языках, что в достаточно высокой мере влияет на экспорт данных образовательных услуг за границу.

Еще один момент, который актуализировал развитие дистанционного обучения, — это Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Подготовка будущих абитуриентов к сдаче ЕГЭ посредством использования дистанционных Интернет-технологий, является, пожалуй, одним из перспективных направлений развития дистанционного образования в вузах России. В результате — не только получение дополнительных доходов от образовательных услуг, но и расширение университетской среды за счет абитуриентов — потенциальных студентов вуза. Таким образом, наличие или отсутствие в вузе дистанционных программ подготовки к ЕГЭ на сегодня является мерилем конкурентоспособности вуза на рынке образовательных услуг.

Особо следует отметить тот факт, что дистанционное образование — это важный элемент образования для лиц, имеющих ограничения здоровья, а также людей, которые находятся в местах лишения свободы. Доступность дистанционных программных продуктов имеют для обозначенных лиц очень высокую социальную значимость. Контент-анализ показал, что три исследуемых южнороссийских вуза на своих Интернет-сайтах недостаточно уделяют внимания людям с ограниченными физическими возможностями в контексте дистанционного обучения. В основном, все сводится к созданию условий для поступления в вуз для таких категорий лиц.

В 2016 г. автор статьи провел экспертный опрос 5 руководителей различных структурных подразделений анализируемых вузов, в той или иной степени ответственных за функционирование вузовской системы дистанционного образования. Среди экспертов были два проректора по учебной работе, два начальника учебных управлений и один начальник учебно-методического отдела. Практически все эксперты были единодушны во мнении, что развитие дистанционного обучения позволит повысить рейтинг вуза в условиях жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг. При этом они отметили объективные факторы, замедляющие развитие системы ДО в вузах: это, прежде всего, высокая стоимость технической поддержки ДО (5 экспертов), отсутствие необходимых квалифицированных кадров, способных осуществлять программы дистанционного обучения (4 экс-

перта), качественно низкий уровень существующих программ ДО (4 эксперта), недостаточная компьютеризация вузов (3 эксперта) и пока еще невысокая востребованность таких образовательных практик среди молодежи (5 экспертов).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях усиливающейся конкуренции несомненные преимущества будут у тех университетов, которые обладают современными технологиями обучения в высшей школе, позволяющими им оперативно и качественно экспортировать российское образование за пределы страны. Особую важность, в силу слабой востребованности отечественного высшего образования в странах дальнего зарубежья, будет иметь экспорт образовательных услуг в страны СНГ. Так, в одном Адыгейском государственном университете на данный момент обучается свыше 700 студентов из стран ближнего зарубежья. В связи с этим развитие дистанционного обучения в российских вузах — стратегически важная задача для привлечения потребителей образовательных услуг не только в самой России, но и в других странах.

Литература

Абрамовский А. Л. Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования: дисс. ... канд. соц. наук. Тюмень, 2014. 203 с.

Бакалавр. Магистр. Каталог дистанционных программ [электронный ресурс] // URL: <http://bakalavr-magistr.ru/distant/school/61> (дата обращения: 03.05.2016).

Борисов И. В. Информационно-образовательная среда как педагогический ресурс системы повышения квалификации педагогических кадров // Новые технологии. № 3. Майкоп: Изд-во Майкопского гос. технол. ун-та, 2010. С. 111–113.

Борисов И. В. Информационно-образовательная среда в организации системы повышения квалификации педагогических кадров // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 2. [электронный ресурс] // URL: http://www.ido.rudn.ru/vestnik.aspx?id=2008_2 (дата обращения: 03.06.2016).

Зубакова М. Куда вы удалились? Дистанционное обучение: имитация образования или шаг в будущее? // Итоги. 2010. № 12. С. 56–58.

Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2013 // Фонд «Общественное мнение» 2013 [электронный ресурс] // URL: <http://runet.fom.ru/Pronikновение-interneta/11067> (дата обращения: 03.06.2016).

КалмГУ. СДО «Лотос» [электронный ресурс] // URL: <http://dis-obr.kalmsu.ru/> (дата обращения: 03.06.2016).

Развитие Интернета в регионах России [электронный ресурс] // URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_internet_regions_2014 (дата обращения: 03.06.2016).

Российский статистический ежегодник. 2016 г. [электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm (дата обращения: 08.10.2016).

Центр дистанционного обучения РЕМШ [электронный ресурс] // URL: <http://de.adugmath.ru/> (дата обращения: 20.10.2016).

Научный журнал

**Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН**

Вып. 2

Компьютерная верстка *Д. В. Татнинов*

Подписано в печать 29.11.2018. Формат 70x100/16.

Усл. печ. л. 8,7. Тираж 300 экз. Заказ 08-18.

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН.

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8